

ЗИНАИДА ГИППИУС

В ГОСТИНОЙ И
В ЛЮДСКОЙ

Зинаида Николаевна Гиппиус В гостиной и в людской

Аннотация

«После первых зимних дней наступила опять оттепель. Часто петербургский ноябрь бывает дождлив и тепел, как хмурый март. Загремели дрожки по выглянувшей мостовой; дворники счищали коричневый, умирающий снег. При наступлении сумерек фонари замигали, отражаясь в лужах и тротуарах, блестящих, как зеркало...»

Содержание

I	4
II	12
III	21
IV	29
V	33
VI	36
VII	44
VIII	50
IX	56
X	62
XI	69
XII	76

Зинаида Гиппиус

В гостиной и в людской

I

После первых зимних дней наступила опять оттепель. Часто петербургский ноябрь бывает дождлив и тепел, как хмурый март. Загремели дрожки по выглянувшей мостовой; дворники счищали коричневый, умирающий снег. При наступлении сумерек фонари замигали, отражаясь в лужах и тротуарах, блестевших, как зеркало.

У подъезда большого пятиэтажного дома остановился извозчик. Подъезд был массивный, с претензиями. И весь дом был построен с претензиями. Архитектор, очевидно, преследовал готический стиль, но зачем ему понадобилось делать на подъездах и карнизах надписи не то китайскими, не то турецкими буквами – этого, вероятно, он и сам не знал.

На извозчике подъехала очень молодая дама, высокая и сухая. Хлопнув дверью, она вошла на парадную лестницу. Красный ковер уходил, поднимаясь в бесконечную высь. Лампы с затейливыми подставками горели ярко. И когда закрылись двойные наружные двери, на лестнице стало опять тихо и почти торжественно. Из швейцарского углубления не доносилось ни одного звука. Сам швейцар, бледный, моло-

дой и крайне серьезный, взглянув на даму, позвонил наверх, в двадцатый номер.

Мимо ряда дверей с именами и фамилиями дама поднялась в четвертый этаж. Здесь на двери была надпись: «Петр Петрович Бем».

Дама, супруга господина Бема, хозяйской рукой позвонила громко и нетерпеливо. Когда, наконец, отворили, Лидия Ивановна вошла в переднюю и спросила:

– Барин дома? А где Лиза?

Маленькая шустрая девчонка, Агашка, исполнявшая роль подгорничной, отвечала крайне печальным тоном:

– Барин не приходили. А Лиза на свадьбу ушла. Лидия Ивановна улыбнулась.

– Ах, да, помню, в первый этаж. А разве уж одели невесту? И в церковь уехали?

Агаша ожила.

– Какой там! Я сейчас бегала. Никого гостей почти нет. Да и невесту причесывают – причесать не могут.

– В самом деле? Поди-ка, Агаша, скажи там Лизе, пусть приведут невесту ко мне, я ее причешу. И гости пусть все сюда приходят. Барина дома нет...

Лидия Ивановна очень обрадовалась неожиданному развлечению, и когда привели невесту, принесли вуаль и цветы – она с удовольствием принялась за дело. Невеста была совсем бедная девушка, жившая в кухарках у старой барыни, робкая и скромная. Брал ее дворник соседнего дома.

С невестой пришла ее единственная родственница, худая и с таким малым количеством светлых волос, что при первом взгляде их трудно было заметить. Впрочем, шелковое пышное платье зеленого цвета придавало ей внушительный вид.

Решили ехать в церковь прямо из квартиры Лидии Ивановны. Скоро вся кухня, довольно большая, наполнилась принаряженными девушками, гостями... Разнообразие костюмов было поразительно. Но самым ярким пятном выделялась горничная из девятнадцатого номера, в голубом платье с розовыми букетами. На лестнице ее прозвали Агашей-толстой, в отличие от Агаши-маленькой, подгорничной Лидии Ивановны. Агаша-толстая была недурна, с узким лбом, черными глазками навывкате и крошечным носиком. Она немного пришепетывала. Теперь ее круглое лицо пылало от волнения. Ей так хотелось быть сегодня поинтереснее, получше. Девушки приглашали знакомых кавалеров – и она пригласила от себя своего знакомого и даже земляка – Лаврентия Корвина. Лаврентия взяли в солдаты. Он был уже унтер-офицер и через полтора года кончал службу.

Давно Лаврентий нравился Агаше. В глубине души она даже надеялась, что он возьмет ее замуж. Агаша была староверка и знала, что Корвин тоже из староверческой семьи. Это одно уже как бы связывало их.

И Агаша нетерпеливо и взволнованно прохаживалась по кухне, стуча каблуками прюнелевых туфель.

Невесту увезли. Было всего три кареты. Но каждый хо-

тел ехать в карете, и потому приходилось ждать очереди. Лидия Ивановна разговаривала с девушками. Ее собственная горничная, Лиза, темноволосая девушка лет двадцати пяти, с бледным и тонким лицом, мало походила на горничную. Платье ее сидело гораздо лучше, чем у Агаши, а взгляд был скучающий и презрительный.

Про нее говорили, что она гордая и дерзкая, как «барышня».

Дверь открылась – и вошел невысокий, худенький человек в солдатской шинели. Из-под барашковой шапки не то печально, не то разочарованно глядели голубые глаза. Белокурые усики вились на верхней губе.

Агаша-толстая подлетела к своему знакомцу и подала ему руку. Потом он стал здороваться с другими, хотя и не был знаком. Все, впрочем, немедленно догадались, что это – Агашин Корвин. Одна девушка сообщила другой, что Корвин – «очень, очень недурненький». Надменная Лиза дернула плечом и сказала громко, что ненавидит солдат, так как они не умеют танцевать.

Корвин встрепенулся, взглянул на Лизу, подошел ближе и тотчас же заявил, что он умеет танцевать. Лиза возразила, что все-таки она ненавидит солдат. Корвин отвечал самой тонкой любезностью. Разговор завязался. Агаша стояла в стороне. Корвин и не обернулся к ней.

Лидия Ивановна разговорилась с одним из приглашенных, который оказался бывшим швейцаром этого дома. Те-

перь из швейцара он превратился в артельщика нефтяного склада и распространял вокруг себя непобедимый запах керосина, хотя и надел новый сюртук, новый галстук, и вообще изо всех сил старался походить на барина.

И все, начиная с Агаши и ее туфель, кончая Корвиным и надменной Лизой – все стремились к одному: как можно больше походить на господ. У одной была оборочка, совершенно как у барышни; у другой – «французская» прическа. Лиза прекрасно знала, что с мужчинами надо обращаться презрительно; однако она уменьшила свое презрение, когда выяснилось, что Корвин был в третьем классе гимназии и даже имеет брата, который говорит по-французски. Всякий писарь, умеющий писать письма, а подчас и стихи, был Лизе приятнее самого красивого лакея. Стихи и общее «образование» писаря приближали его к господам...

И вместе с тем ни у кого не было к настоящей барыне, Лидии Ивановне, ни малейшего внутреннего почтения. Служить надо, потому что платят деньги. Все дело случая. Стоит только подражать господам – и будешь не хуже их.

Подозрительная и влюбленная Агаша томилась, видя, что Корвин ухаживает за Лизой.

В карету они сели все трое вместе.

В карете было темно, холодно, и мостовая оглушительно гремела под колесами. Корвин приостановил свое ухаживанье. Но Агаша решила воспользоваться минутой и унижить гордую Лизу.

– А что, Лиза, на воле-то после казенных, институтских мест, хуже, я думаю?

– Нет, отчего. У меня теперь место хорошее.

– А вы ведь сами из Воспитательного?

– Да.

– Вот как! Значит – ни роду ни племени, ни отца ни матери не знаете! Может, они у вас Бог весть какие важные господа были, ведь это ничего неизвестно. А у нас – что! наши родители известные, серый народ, одно разве утешение, что честные, да воспитали нас как следует.

Агаша вздохнула, что за каретным шумом никто не слышал. Лиза промолчала.

– А что, мальчик ваш давно умер? – спросила опять Агаша, напрягая голос.

– Весной.

– Ах, скажите! И ведь вот эти мужчины – каковы! Он ведь женился, кажется?

– Женился.

– Ай-ай-ай! Ведь вот как это, можно сказать, неблагородно с его стороны!

Эти восклицания остались без ответа. Лиза обратилась к Лаврентию и сказала:

– Не люблю я свадеб в кухмистерских. Жара. У кавалеров сюртуки линяют – и перчатки черные. После одной кадрили светлое платье никуда не годится.

– У меня белые перчатки, Лизавета Максимовна, – под-

хватил Корвин. – И позвольте пригласить вас на первую кад-
риль и на последующую.

Замысел Агаши не имел успеха. Она раскрыла глаза Кор-
вина на поведение Лизы, но это, увы, не изменило его чувств.

Вечер в кухмистерской удался чрезвычайно. Гармонист
попался прекрасный. Под звуки его громадной гармонии, са-
мой усовершенствованной, были протанцованы бесчислен-
ные кадрили и польки. К сожалению, многие кавалеры, в том
числе и новобрачный, и керосинный артельщик, не умели
танцевать. Они усиленно пили мед и пиво. Угощение было
отличное: каждый требовал, чего хотел – сладкого вина, чаю,
кофе...

Лиза танцевала с Корвиным. Иногда она лукаво говорила:
– Подите же к вашей Агаше. Видите, как она страдает.
Она в вас до смерти влюблена, а вы с ней так поступаете.

– Что ж, мне теперь повеситься, если она в меня влюбле-
на? Вот это мило! Она-то влюблена, да, может, я не влюблен?
И если я совершенно в другую влюблен, то виноват ли я?

«Образованность» Корвина и сходство с благородным
господином неотразимо пленяли Лизу. Говорил он вежливо
и тихо, не без достоинства. И Лиза ему очень понравилась.

Когда вечер кончился, он проводил Лизу домой, до самой
двери четвертого этажа. Было уже пять часов утра. Лиза про-
бралась тихонько за драпировку, где стояла ее постель. Че-
рез три часа нужно было вставать, самовар, завтрак... «О,
чтобы эти завтраки!» – подумала Лиза.

С полу, где был разостлан соломенник, Агаша-маленькая, Лизина помощница, подняла голову и поглядела на розовое платье и растрепанную прическу завистливыми, недобрыми глазами. Агаша-маленькая была недавно из деревни, но оказалась необыкновенно способной к усвоению петербургских манер и быстро начинала образовываться.

Лиза в изнеможении упала на кровать, и тщетно в восемь часов трещал над ее ухом электрический колокольчик. Зло-нравная маленькая Агаша нарочно ее не будила, а сама, при первой опасности, намеревалась выскользнуть на лестницу и уверять потом с невинностью, что она ходила за булками.

II

Петр Петрович зажал уши и взглянул на потолок. Смотреть на потолок было его обычным жестом в затруднительных обстоятельствах жизни. Он как будто призывал Бога в свидетели, что не виноват.

Теперь, выдерживая сцену с женой, он скромно и жалобно съежился в большом кресле. И никто бы не подумал, что этот худенький, белокуренький человечек, такой незащитный, в чем-либо виноват. Напротив, было ясно, что он терпит обиду.

Лидия Ивановна бегала из угла в угол, всплескивала руками, упрекала, жаловалась, кричала.

Наружность Лидии Ивановны, если не могла назваться красивой – во всяком случае была выразительна и оригинальна. Длинный узкий нос с очень большими, открытыми ноздрями, черные глаза и волосы, смуглая кожа, – все делало ее похожей на цыганку или вообще на женщину южных стран. А по нервности и крайней худощавости, какой-то поджарости – она напоминала прекрасную, породистую гончую.

Всегда, в сценах между мужем и женою, Лидия Ивановна кричала, а Петр Петрович съеживался, зажимал уши и смотрел на потолок. Он твердо держался того убеждения, что во всех решительных случаях жизни молчание есть самая по-

лезная вещь. Когда он познакомился с Лидией Ивановной, имевшей восемнадцать лет от роду и богатую тетеньку со связями, вместо «рара» и «татап» – он молчал, пока другие ухаживатели произносили целые адвокатские речи; в нужный момент он только взял Лидию Ивановну за руку – и дело сладилось.

Богатая тетенька возмутилась: – разве это партия?! – стала бранить жениха в глаза; он молчал – говорила Лидия Ивановна – и дело опять хорошо кончилось. Несомненно, что и на службе он придерживался своего благого правила: и трех лет не прошло, как ему дали прекрасное место – заведывание хозяйственной частью в обширном богоугодном заведении. Никогда еще правила жизни не обманывали Петра Петровича – не удивительно поэтому, что он их применял и к ссорам с женой.

Но Петр Петрович не любил и боялся скандалов. И теперь сердце его грызла мука, что жена кричит, выдумывает в раздражении даже небывалое, говорит о деньгах, о родне – а в кухне все слышно. А если и не слышно, то Лиза и Агаша-маленькая, верно, пробрались в соседнюю комнату и подслушивают. Ну, говори что хочешь, хоть дерись – да по секрету, чтобы люди не слышали.

Мысль о подслушивании истомила Петра Петровича. Он не выдержал, вскочил с кресла и внезапно распахнул дверь в столовую.

Против ожидания, Агаши-маленькой он там не застал, хо-

тя в дверях как будто мелькнул кусочек розового платья. Удаляющихся шагов тоже не было слышно; но, если сказать правду, их и не мог бы никто слышать, так как Агаша, для удобства, носила войлочные туфли.

Около буфета Лиза, с непроницаемо-мирным лицом, уставляла тарелки и сейчас же вышла.

Петр Петрович притворил дверь и вернулся в гостиную.

– Успокойся, друг мой! – начал он почти шепотом. – Нехорошо. Люди слышат. Ты кричишь о таких вещах.

– Оставь, оставь! Мне все равно, я кому угодно готова рассказать... Это невысказано, что ты делаешь! Я сидела дома вчера, а ты был в театре, в ложе у кого, а? У m-me Губинской! И скрыл, да! Вот это ново! Я напишу тете, уеду к ней в имение, уеду, уеду...

– Друг мой, уверяю – это вышло случайно... И притом Губинский – наш казначей.

Но тут Лидия Ивановна так завизжала, зарыдала, что Петр Петрович принял решительные меры: он бросился в переднюю, надел пальто и вышел. Супруг справедливо рассудил, что Лидия Ивановна умолкнет, когда ей некого будет упрекать.

И точно, оставшись одна, Лидия Ивановна сразу притихла и даже подумала с некоторою радостью, что ссора кончилась благополучно. Но вместе с радостью была у нее в душе и досада. Ссора – это все-таки нечто, все-таки происшествие, а теперь, когда все замолкло и только часы постукивали в сто-

ловой, опять вернулась долгая, тягостная скука.

Лидия Ивановна была замужем три года. Она казалась старше своих лет: на самом деле ей не минуло двадцати двух. Она порою забывала, сколько ей лет, – так все последние года походили один на другой.

Первое время замужества она была влюблена в Петра Петровича, как в институте влюблялась в учителей рисования и музыки; но потом, мало-помалу, влюбленность прошла, и она даже удивлялась, как могла раньше не замечать, что у Петра Петровича такие большие, бледные уши, из которых торчат пучки беловатых волос. Петра Петровича она стала просто считать необходимой своей принадлежностью, привычной вещью, которой почти не замечаешь.

Она думала, что она глава дома. Она кричала, кипятилась – муж молчал. Но в результате, осторожно и незаметно, делал по-своему.

Лидия Ивановна томилась скукой. Детей у нее не было, да она и не хотела бы иметь детей. Лишние расходы, болезнь, заботы, да ребенок еще будет хворый, да еще, пожалуй, умрет... Это уж не развлечение, а наказание.

И шли дни за днями, лето сменялось зимой, зима летом, Петербург – скромной дачей в Лесном или Царском, а Царское – опять Петербургом. Каждое утро Петр Петрович уходил на службу. Каждую Пасху приезжала из имения тетенька, смотрела с соболезнованием на Лидию Ивановну, с кротким презрением на Петра Петровича – и уезжала. Все пошло

своим чередом – а Лидия Ивановна не могла найти себе никакого занятия. Она вообще не знала, чем должны заниматься молодые дамы. Вязать шарфы и кошельки было не в ее характере. К музыке и рисованию способностей не имела. Романы любила читать с середины и разрезала листы книги пальцем. – Знакомые? Их было немного, и все такие неинтересные. Впрочем, и живя у тетки, Лидия Ивановна не привыкла к большому обществу, выезжала редко. Но тогда у нее была ясная цель: выйти замуж. Она вышла замуж. Что же дальше? Чем наполнить время с утра? Хозяйство идет себе, заведенное раз, Лиза отлично знает, когда подать завтрак и обед. На «журфиксах» у ее малочисленных знакомых так же скучно, как и у них, когда Лидия Ивановна принимает гостей в своей приличной квартире, убранной на восточный лад. Как-то раз за Лидией Ивановной вздумал ухаживать молодой офицер. Дело было на Пасхе; заметила тетка, подняла крик. Непривычная Лидия Ивановна сама испугалась за свою репутацию и так несправедливо обошлась с офицером, что он сейчас же принялся ухаживать за ко-ротконосой и богатой курсисткой. Ухаживанье офицера слегка развлекло Лидию Ивановну, хотя и продолжалось недолго.

Частое одиночество заставляло ее иногда разговаривать с Лизой и допускать некоторую фамильярность.

Теперь, когда Лидия Ивановна осталась в гостиной с невысохшими слезами, обидой и скукой в душе, – тотчас же явилась Лиза – растопить потухший камин.

Ее бледное лицо с тонкими чертами было, как всегда, интересно, несмотря на неряшливость в костюме. Пестрая кофточка шла к ней. Густые волосы, не туго заплетенные, казались растрепанными. Она не походила на ловкую горничную хорошего дома, а скорее на барышню в небрежном утреннем неглиже. Передников она не любила и не носила.

Лиза присела около камина. Сухие щепки затрещали. Несколько минут длилось молчание, наконец Лиза произнесла, как бы про себя:

– Уж этот барин вечно... Расстроят только понапрасну. Лидия Ивановна вздохнула.

– Удивляюсь я, право... Это надо ваше терпение иметь... – продолжала Лиза.

Лидия Ивановна приподняла голову.

– Что ж делать, все равно... Вы, Лиза, не забудьте яблоки в печке...

– Там, барыня, в кухне такая жара... Нынче и пироги, и яблоки. Я уж не знаю, что и с гостями делать...

– А у вас кто? – довольно равнодушно спросила Лидия Ивановна. Ей было так скучно и впереди предстояла такая тоска безделья, что даже участие Лизы ее мало утешило.

– Какие гости, известные! – начала Лиза, дую в камин. – Опять это золото сидит, разве его выкуришь? Сидит как столб. Уж он давеча на лестнице ревел-ревел, зачем я его к Агаше-толстой посылала... И откуда у него только слезы берутся? Ну – еще Анна Маврикиевна с ребятишками зашла...

Нет, этот-то хорош!

– Охота вам, Лиза, с солдатом...

– Положим что, барыня, Корвин и красивый, да и обращение у него такое приличное, не солдатское... Он мне вчера полную книжку стихов принес. Да мне все-таки ровно наплевать. Пусть Агаша-толстая свое добро берет...

– Давно это он в вас так сильно влюбился?

– С самой свадьбы Дашиной, – вот еще осенью была, месяца четыре уж есть, – не отстает от меня ни на шаг! В него многие девушки влюблены...

– А что же Агаша?

– Агаша из «девятнадцатого» от Фоминой уходить хочет.

Лидия Ивановна по рассказам Лизы знала о своих соседях больше, чем если бы познакомилась с ними. Она давно знала, что приличный, скромный муж Фоминой – воспитатель в каком-то корпусе – оттого так редко приезжает к ней, что один граф приезжает слишком часто, хотя и не настолько часто, чтобы компрометировать парадную лестницу и серьезного швейцара.

– Отчего же Агаша хочет уйти? – спросила Лидия Ивановна.

– С Борей сладу нет. Восемь лет мальчику, а такой озорник, щиплетя, дерется. Никакая горничная жить не будет.

– Чего ж мать смотрит?

– А ей что? Ей лишь бы с графом. Тоже – и дела господские! А прислугу – рады укорять.

Лидия Ивановна мало-помалу, вяло и туго, но все-таки заинтересовалась разговором.

Лиза охотно, даже с оттенком хвастливости, рассказывала, как сильно влюблен в нее прежний Агашин жених, унтер-офицер Корвин, какие приносит апельсины и какие пишет письма. Она описывала это попеременно с известиями о новом фасоне платья, которое она отдавала шить, и о досаде и злобе Агаши-толстой.

Лидия Ивановна почувствовала что-то похожее на зависть. Окна гостиной выходили на север, и с бледно-зеленого мартовского неба лился грустный, отраженный свет. Сейчас Лиза уйдет, и бедная Лидия Ивановна останется одна в этих тусклых комнатах, убранных на восточный лад, без всяких забот и горестей, но и без всякой надежды. Даже Петра Петровича нет. – Ну, а если он и придет? Какую новую радость даст ей этот молчаливый, домашний, известный, аккуратный человек?

А кухня, куда пойдет Лиза печь пироги, выходит на солнце, и верно там теперь на полу лежит светлый, вытянутый четырехугольник, и кошка греется на солнышке, а нежный Корвин собирается читать Лизе новые стихи...

Позвонили. В одно мгновение Лидия Ивановна преобразилась. У нее стало другое лицо. Только бы не муж! Все равно кто, новый живой человек, письмо... Письмо нужно прочесть, на письмо, пожалуй, можно ответить...

В голове ее даже пронеслась смутная и нелепая мысль:

а вдруг это тот офицер, который ухаживал за ней в прошлом году? Если Петр Петрович бывает в ложе у Губинской, так... Но это оказалось письмо от знакомой коротконосой курсистки, приглашение на вечер.

Лидия Ивановна улыбнулась чему-то и с непривычным прилежанием мысли стала обдумывать, что она наденет на вечер.

III

Лиза между тем вернулась к своим пирогам.

В кухню действительно светили желтые веселые лучи. Агаша-маленькая, бойкая девочка с розовым лицом и уже нечистыми глазами, лениво гладила на столе какое-то кружево и все поглядывала в сторону.

Мать, отпуская Агашу с господами в Петербург, уверяла, что она – девочка способная, живо по-городскому выучится. И Агаша, точно, оказалась необыкновенно способной.

Через два-три месяца она поняла, что следует во всем как можно усерднее подражать господам, а самих господ – где только можно – надувать, потому что чем больше и ловче надуешь, тем слаще поешь. Она ухитрялась покупать ветчины меньше фунта на две копейки – а две копейки прятала в уголок, в дырочку. А накопив гривенник – ехала с торжеством кататься на извозчике. Вскоре она не замедлила влюбиться в какого-то лупоглазого и невинного кадета, приехавшего на праздник к старой барыне в первом этаже.

Из скромности кадет всегда ходил по черной лестнице. Агаша стала ему назначать свиданья на дворе у конюшен, в сумерки; приносила ему апельсины, конфеты, даже пастилу и варенье из господского буфета. Кадет любил сладкое и пожирал принесенное с молчаливой алчностью.

И маленькая Агаша гордо рассказывала, что у нее есть

«кавалер». Она думала, что первый петербургский стыд – не иметь кавалера.

За столом, у окна, далеко от плиты (кухня была просторная) сидела пожилая, полная дама в шляпке, чиновница Анна Маврикиевна. Подле нее толпилась часть ее семейства. Зойка, Олька, Лелька и Сонька. Одинаковые, малорослые девочки с хитрыми глазами вели себя не по летам сдержанно. Зойка, на вид лет двенадцати, имела решительно гордый вид. Они все давно помогали отцу и матери. Зимой на праздниках танцевали в Манеже, а все лето – в Зоологическом. В Манеже за день хорошо платили, в Зоологическом хуже, да и мазаться много приходилось, потому что девочек выпускали в виде негрят.

Анна Маврикиевна пила кофе и рассуждала о чем-то с Корвиным.

Без шинели и шапки Лаврентий Корвин был гораздо хуже. Бритые по-солдатски волосы чуть отливали бледным золотом. Узенький, маленький, тоненький, с немного кривыми ногами и смазливый лицом – он почти казался мальчишкой. И в лице его было что-то детское, преданное, упрямое и беспомощное. Глуповатая задорливость у него быстро сменялась жалобным и покорным выражением губ. Он словно не знал, может ли сбыться, чего он хочет – и даже не знал, чего он хочет.

Беспрестанно желая быть небрежно молодцоватым, он поправлял пояс книзу и выдвигал грудь.

Лиза с шумом переставляла сковороды и делала вид, что – зла.

Не смущаясь присутствием Анны Маврикиевны, Корвин возобновил прерванное объяснение.

– Позвольте вас спросить окончательно, Лизавета Максимовна, решаетесь вы ехать в Гатчину на маскарад или же нет?

– Сказала я тебе – отвяжись. Мое дело! Хочу и поеду.

– Увидим это, как вы поедете!

– А не угодно ли на лестницу? Пооди, подежурь там, поплачь за дверью, а то к Агаше-толстой постучись. В маскарад, знаешь, кто меня приглашал? Знаешь? Он человек свободный, не солдат, и со средствами. Захочу – завтра повенчаюсь.

– И мы не век солдатами будем. Через год и с нами венчаться можно.

– Слыхала я это.

Дверь отворилась и вошла Агаша-толстая. Днем она была не так свежа; с осени она похудела, особенно лицом; неловко сшитое ситцевое платье не красило ее.

Она мельком взглянула на Корвина и отвела глаза.

– А, гости дорогие! – приветствовала ее Лиза не без иронии. – Откуда с покупками?

– Из суровской, по дороге забежала, – ответила Агаша, пришепетывая. – Вчера я мать в больницу свезла, – прибавила она без выражения особой печали, как будто речь шла о серьезном, но обыденном деле.

Мать была у Агаши строгая, даже суровая старуха, прежней веры. Дочь любила ее, и не то что боялась, а просто привыкла без размышления и прекословия не преступать ее малейших желаний, как если бы физически это было невозможно. Мать никогда не позволила бы Агаше выйти не за старовера.

Корвин знал Агашину мать. Она была из-под Москвы, оттуда же, где жили и его родители.

– Что так, в больницу? – сказал он, немного цедя слова. – Но не очень больны?

– Не то что больны, – возразила Агаша скромно и тихо, – а ведь стары они, так умирать собрались.

На Корвина этот простой ответ не произвел особенного действия, но Лиза и Анна Маврикиевна сочли долгом всплеснуть руками.

– Как так умирать? – воскликнула Лиза. – Почему же ты знаешь?

– Да они сами сказали. Человек, конечно, старый. Вот велели мне купить полотна, розовых лент да кружев, за работу засяду.

– Что это?

– А саван. Они мне велели при себе скроить, а прошивочки куда вшить – они покажут. Они такие аккуратные.

И опять в голосе Агаши была серьезность, когда она говорила о таком простом, неизбежном деле.

Анна Маврикиевна и Лиза не могли выразить словами,

что их, собственно, удивляет в поведении Агаши, и потому сочли лучшим промолчать. Одна Агаша-маленькая задумчиво произнесла:

– Матка помирает, а она не боится... И не воет...

Но сейчас же забеспокоилась, не есть ли это петербургский обычай, которого она, по-своему деревенскому не образованию, еще не знает.

– Чего реветь-то? – сказала наставительно Агаша-толстая. – Еще наревусь. А пока они живы – надо их волю исполнять. Они же человек старый.

Рассуждения эти прервала Лиза.

– А и богачка ты будешь, Агаша! У матери наверно рублей четыреста есть, да шуба лисья.

– Уж это, конечно, мне все откажут, – произнесла Агаша, помолчав. – Ну, прощайте, мне надо за работу, – некогда.

Она поклонилась, грустно взглянула на Корвина и вышла.

– Вот теперь тебе дело ясное, – сказала Анна Маврикиевна, обращаясь к Корвину. – Попроси у Агаши займы для брата шестьдесят рублей. Вот и выручишь брата.

Брат Корвина служил где-то конторщиком, проиграл много на скачках (он имел эту «господскую» страсть) и теперь должен был потерять место. Брата следовало выручить, потому что, прослышав худое, отец мог приехать из-под Москвы, а этого и унтер-офицер Корвин боялся как огня.

– Может быть, я себя так низко не поставлю, чтобы у Агашки денег просить, – сказал Корвин.

– Да ведь ты женишься на ней! – подхватила Лиза. – И женись пожалуйста... Разбогатеешь...

Когда ушла Анна Маврикиевна с чадами, между Лизой и Корвиным началось настоящее объяснение. Агаша-маленькая насторожила уши.

Лиза говорила презрительно. Корвин плакал и клялся, что он любит ее необыкновенно и вечно, и что она его погубит. Плакал Корвин в очень частых случаях; это происходило от его девического характера; он быстро, при малейшем препятствии, отчаивался во всем, и тогда мог только упрямо и горько плакать, стоя на одной точке, не уступая и не идя вперед.

Лиза держала себя независимо, но это была напрасная гордость. Давно, увы, смазливое личико и вежливое обращение Корвина победили ее сердце. Еще на Рождестве, когда господа уезжали в Москву, а шустрая Агашка с восьми часов вечера уходила в комнаты наслаждаться сном на господских кроватях, – еще тогда Корвин засиживался у Лизы слишком поздно, и она верила его вечной любви – почти такой же вечной, какую любил свою жену добродетельный чиновник в романе «Петербургские трущобы». Корвин и принес Лизе эту книгу.

Теперь Лиза, несмотря на всю свою гордость, прекрасно сознавала, что без беды не обойдешься, – и злилась не в меру.

В разгар их объяснения на черной лестнице раздался

хриплый визг и брань, сопровождаемые лаем собак.

Любопытная Агаша кубарем выкатилась за дверь. Не устояла и Лиза, пошла взглянуть, что случилось.

Этажом ниже, там, где в двух соединенных квартирах жил известное светило – профессор Агренов – дебелая, трепаная супруга профессора (и даже не супруга) собственноручно изгоняла горничную, сопровождая изгнание такой выразительной и пронзительной бранью, не стесняясь употреблением никаких слов, что будто ветром открылись двери всех квартир, и любопытные лица выглянули на площадку. Верхние кухарки даже спустились пониже, чтобы не проронить ни единого слова.

Изгоняемая горничная не оставалась в долгу, и это-то было интереснее всего. Она подробно исчисляла все тайные и нетайные грустные подробности жизни своих господ – и голос энергичной подруги профессора не мог заглушить голоса истины.

– И не нужно мне, не нужно твоего жалованья! – причитала горничная. – Срамись на лестнице сколько хочешь, а я без того не уйду, чтобы тебе не высказать. Не место у тебя, а каторга... Пусть к тебе порядочная прислуга пойдет! От тебя ругня, от барина щипки... Хорош тоже и барин! Настоящую жену прогнал. Не молоденький, а небось никого не пропустит... Одну дочь бьют, другую не бьют, не узнать – которые его дети, которые – ее... Господа тоже, ученые! Похуже нас грешных! А прислугу еще укоряют! Вот мы, глядя на них,

тоже по-ученому будем, авось умнее станем...

Профессорша на эти рассуждения отвечала целым потоком отборных слов. Но, несмотря на ее обширный лексикон, сочувствие публики осталось на стороне горничной.

И, расходясь по своим этажам, многие задумчиво повторяли:

– Да... Так-то... Господа... А еще прислугу укоряют...

IV

У людей, даже самых исполнительных, твердых и разумных, есть слабости. Были слабости у непоколебимого, аккуратного Петра Петровича.

Не боялся он ни характера жены своей, ни даже ее тетеньки, – тем более, что известный капитал выдан был в день свадьбы жениху на руки, – не боялся ни начальства, ни риска в служебных делах; а между тем стоило ему заметить, что в комнате три огня, или тринадцать за столом, или что-нибудь в этом роде – и ему становилось не по себе, тоскливо, томно и скучно. Один раз он не пошел на службу потому, что едва он отворил двери подъезда – как через дорогу промчалась черная кошка.

Лиза привыкла, что господа ничему не верят; ей странно было видеть такое свойство в барине; однако она ему сочувствовала, потому что сама непоколебимо верила дурным предзнаменованиям.

Временами, особенно после столкновений Лизы с баринном, дом наполнялся самыми зловещими приметами: зеркало трескалось, ножи складывались крестом, часы останавливались. Лиза приходила и докладывала, что в бариновой комнате под постелью мыши завелись. Барин бледнел, а Лиза прибавляла:

– Не к добру это. Выживают.

И Петр Петрович часто пережаренную телятину находил прекрасной, только бы Лиза, омраченная выговором, не отыскала нового дурного предсказания.

Лидия Ивановна с удобством пользовалась этой слабостью супруга.

– Знаешь, – говорила она, – я видела сегодня во сне, что ты идешь по озеру, а вода под тобою черная-черная.

Петру Петровичу начинало казаться, что у него уже давно болит голова. Он оставался дома, жена ехала на «журфикс» – и оттуда ее провожал Перлов.

Перлов был тот самый офицер, который начал ухаживать за нею в прошлом году. Лидия Ивановна находила, что она сделала неумно, когда послушалась тетки и лишила себя единственного возможного развлечения. Пробуя новую забаву – кокетство с офицером, она гораздо меньше скучала. И подумать, что она боялась за свою репутацию! Это надо быть такой институткой, как она. Все делают так, и никто не теряет своей репутации. Конечно, надо, чтобы он себе не позволял... Петр Петрович может быть вполне спокоен...

Петр Петрович и не беспокоился. Он даже высказывал удовольствие, видя жену менее вялой.

На Пасху приехала тетка. Она поселилась в будуаре Лидии Ивановны, и там сейчас же стало пахнуть, как пахнет из старых шкатулок с письмами и высохшими цветами.

Лиза в душе злилась и ужасалась, а наружно всячески прислуживала, ходила на цыпочках и говорила шепотом.

Корвин исчез из кухни, свиданья происходили только на лестнице. Агаша-маленькая стащила как раз перед этим громадный кусок пастилы для своего кадета и так испугалась важной тетеньки, что немедленно положила пастилу на прежнее место в целости, хотя явно помятую пальцами.

Тетенька увидела сразу перемену в своей возлюбленной племяннице и поняла также – она была умная женщина, – что время беспрекословного повиновения прошло – Лидия Ивановна выросла. Тетка подумала, погадала, разложила пастьянс, с нескрываемым презрением посмотрела на Петра Петровича, которого всегда считала ничтожеством, и кончила тем, что уговорила Лидию Ивановну приехать к ней в деревню на все лето. А чтобы племянница не скучала, она пригласила еще двух кузин, нескольких приличных молодых людей, в том числе и «красавчика» Перлова. Это название шло Перлову: он был так красив, что никому не приходил в голову вопрос – умен ли он. Глядя на его розовое лицо, всякий невольно жалел, что он не герой чувствительного романа, а лишь капитан какого-то полка.

Петр Петрович, занятый службой, не мог уехать далее Парголова. Он, впрочем, не казался огорченным и жену отпустил без возражений.

Лидия Ивановна сшила себе несколько нарядных батистовых платьев и засыпала каждый вечер в радостном нетерпении.

Скуки не было. Наконец-то она узнала, какое естествен-

ное занятие молодых дам! Это так просто! И не надо скучных вопросов: для чего? что выйдет? Время существует для того, чтобы его весело проводить. А до всего остального – какое дело!

V

Августовская ночь была темная, пыльная и ветреная. Набережная Фонтанки между Симеоновским и Цепным мостом, усаженная деревьями, казалась совсем пустынной. Изредка проезжал извозчик, и копыта его клячи с резким, тяжелым звуком падали на асфальтовую мостовую. У ограды садика перед Инженерным замком порою мелькали какие-то фигуры и быстро исчезали за ветками еще густых деревьев.

Девушка среднего роста, довольно полная, раза три прошлась взад и вперед. Она, очевидно, ждала кого-то. Благодаря белому платку на голове, – ее нетрудно было заметить, хотя сухой и теплый ветер совсем задувал огни фонарей.

Девушка опять повернулась и пошла тихо, вглядываясь в темноту. Вдруг она слышала мелкие, но звонкие шаги – и через минуту очутилась перед Корвиным. Шинель у него была застегнута, шапка сдвинута слегка назад.

Хотя девушка и узнала его, однако спросила:

– Это ты, Лаврентий?

– Сам своей персоной. По вашему же письму. Что угодно?

– Скажи мне по совести, Лаврентий, зачем ты из лагеря приехал? К ней опять?

– Я вас, Агаша, откровенно говоря, не понимаю. Какое такое право вы имеете меня выслеживать? Когда это я уверял вас в своих чувствах? Я, напротив того, говорил, что по всем

вероятиям свадьбе нашей не бывать. Ну, были вы у меня два раза в лагерях, ну, и что ж из того? Я это отлично понимаю, что мать вас строго держала, и после захотелось вам на своей воле погулять. А шестьдесят рублей ваши брат вам с благодарностью не далее первого сентября отдаст.

– Да что мне эти шестьдесят рублей! – прошептала Агаша. – Ты мне скажи, зачем ты из лагеря приехал? На душеньку свою любоваться? Уж и красавица теперь стала...

– Какова бы ни была, да нам мила, – произнес Корвин, но довольно задумчиво.

Агаша стояла, прислонившись к ограде. Белый платок ее мутно белел в темноте.

– Лаврентий! – выговорила она еще тише и от волнения сильнее пришепетывая. – Лаврентий, я тебе эти шестьдесят рублей прощу, и коли брату нужно, я ему еще пятьдесят дам, а не видай ты ее – ну, что тебе! Поезжай нынче же в лагери обратно, а немного времени спустя и я туда приеду. А? Знаю, что не мила я тебе теперь, да за что же гнать-то меня? Гнать-то причины нет...

Корвин на мгновение задумался в нерешимости. Брат его не только не мог отдать Агаше скоро взятые шестьдесят рублей, но опять попался, и отец уже написал подозрительное письмо. Выпутываться было необходимо. Однако в темноте он сделал презрительную гримасу и сказал:

– Ты не воображай, пожалуйста, что брат Петька очень в твоих деньгах нуждается. А гнать я тебя не гоню. Приезжай,

пожалуй, в лагерь в тот четверг. Да уж и деньги кстати привози. Я брату скажу.

– Голубчик, Лаврентий, ты не веришь, я тебя так люблю! – воскликнула Агаша, всплеснув руками. – Я истомилась вся. Не выдай ты ее, Лизку! Фальшивая она. У нее и до тебя был мальчик. И теперь вот ребенок. Ведь это ничего неизвестно. Мало ли за ней зиму ухаживали! И Васька егерь, и мало ли!..

– Молчи ты, тоже! – прикрикнул Корвин. – Завела опять. И если ты Лизавете обо всех наших делах слово скажешь – я решительно говорю: ни за что не отвечаю.

И тут на Корвина не шутя напал панический страх, что обо всем узнает Лиза, прогонит его. Потерять, не видеть Лизу ему казалось невозможным. Он подумал было, не бросить ли Агашу, не сказать ли ей напрямик, чтобы она убиралась, не уйти ли теперь от нее?

Но ни голос, ни руки, ни ноги не могли сделать нужных для того движений, а напротив, он сейчас же зашагал рядом с влюбленной Агашей, беспрекословно пошел ее провожать, только в горле у него были слезы, а в сердце ужас перед будущим и несознаваемая, но нестерпимая жалость к самому себе.

VI

Листья деревьев парка на Петербургской стороне успели побледнеть, потом покраснеть и даже кое-где потемнеть во время сентябрьских дождей, когда вдруг, в самом начале второго осеннего месяца, солнце опять выглянуло и робко заблестело на увядающем небосклоне. Небо уходило вместе с солнцем: солнце стало дальше, небо стало выше и бесцветнее, точно глаз не мог уже уловить слишком далекой синевы. Поникшие, ярко-желтые на верхушках деревья стояли не шевелясь, в грустном ожидании. Внизу, на промокших насквозь дорожках, где лежали длинные-длинные полосы солнечного света и вороха упавших листьев, веяло сыростью и открытой могилой. Был праздник, но какой-то слишком торжественный, слишком серьезный, невеселый праздник.

И богатые, и бедные обрадовались солнцу.

Мчались коляски, медленно тянулись извозчики, направляясь к Островам. На тротуаре, около одного из самых грязных домов Кронверкского проспекта, стояли, взявшись за руки, три девочки. Они смотрели не на проезжавшие экипажи, а мимо, в одну сторону, точно ждали кого-то.

Девочки были – три младшие дочери чиновницы Анны Маврикиевны – Олька, Лелька и Сонька. Мать велела им сторожить, когда приедет барыня, и указать ей дорогу в квартиру.

Барыня вызвалась крестить новорожденного сына Лизы, которая находилась в то время у Анны Маврикиевны.

Почтенная дама любила оказывать услуги и даже обижалась, если этих услуг не принимали. Когда с Лизой случилось «несчастье», она почему-то страшно взволновалась и с великодушием необъяснимым предложила Лизе переехать к ней. По выздоровлении Лиза снова должна была возвратиться на прежнее место, к Лидии Ивановне; только барыня, наслушавшись разных ужасов о воспитательных домах, где бедные дети мрут, мол, как мухи, – решительно запрещала Лизе отдавать туда ребенка, а лучше пристроить его куда-нибудь на «вольное воспитание».

Подозрительная Лиза с недоверием принимала все ласки Анны Маврикиевны. Зная, что хорошее люди делают друг другу за деньги, она боялась, что чиновница потребует с нее неимоверное количество денег за содержание и уход во время болезни.

Ребенок родился худой, маленький, со странной бледной головой на тонкой шее. Глаза у него были большие, удивленные и круглые; он редко плакал и мало спал.

Квартира Анны Маврикиевны сделалась еще теснее. Очень холодная зимой, темноватая, квартира эта вечно была наполнена визгом, ревом, спорами, запахом вчерашних щей и сохнувших над плитой пеленок. Анна Маврикиевна изворачивалась, как могла, но все-таки сорока пяти рублей в месяц не хватало на большую семью: кроме четырех дево-

чек, в доме был еще мальчик, родившийся месяцев шесть назад. Муж-чиновник, слабый, робкий, худой и преданный, напрасно пытался найти переписку. А когда Анна Маврикиевна исчезала на целый вечер к соседке играть в преферанс, что было ее слабостью, муж терпеливо укачивал ревущего полугодового сына.

Иногда, впрочем, дела семьи поправлялись – например, осенью, после того как девочки проработали все лето в Зоологическом саду... В день крестин новорожденного сына Лизы Анна Маврикиевна решила не ударить в грязь лицом.

Старшая, Зойка, прибрала комнаты и даже отворила форточку. Накрыли в зале стол новой скатертью. Принялись готовить обед. Барыня, крестная мать, должна обедать одна в зале, – для нее взяли телячьи котлетки; остальные гости пообедают после, в спальне, не торопясь.

Корвин уже здесь, аккуратный, чистенький и смущенный. В детской на кровати, в беспорядочной груде тряпок, тихо копошится ребенок, молча, медленно и непрерывно шевеля тонкими членами, точно серьезный и больной паучок. Корвин все стоит и смотрит на ребенка – и в сердце у него поднимается бесплодная жалость и нежность. Лиза сидит в зале на стуле, бледная, но довольная. Она рада, что Корвин смотрит на ребенка, и начинает чувствовать к «солдату» иное расположение, помимо его смазливости и уменья танцевать.

В зале уже сидит и крестный отец, брат Корвина, злополучный конторщик Петька. Он, впрочем, с виду весьма эле-

гантен, говорит развязно и тонко, и даже осмеливается вставлять французские слова, произнося их осторожно и правильно.

Наконец, влетели младшие девочки с известием, что барыня подъехала. Действительно, через минуту высокая фигура Лидии Ивановны показалась на пороге. Анна Маврикиевна степенно поздоровалась с барыней за руку. Смущенная непривычной обстановкой, Лидия Ивановна вглядывалась в людей, ее встречающих, своими близорукими глазами. С Лизой она поцеловалась и поздравила ее; Пете Корвину подала руку, приняв его за чиновника.

Скромный муж Анны Маврикиевны сидел в детской, кутался в старую кацевейку и качал колыбель своего собственного шестимесячного сына, который не хотел спать.

Лидия Ивановна, от незнания, что говорить и делать, выразила намерение посмотреть будущего крестника.

Но, войдя в детскую, она прежде всего увидела полугодового ребенка Анны Маврикиевны и стала его прилежно рассматривать, принимая за новорожденного.

– Однако он довольно крупный и полный, – сказала она.

Олька и Лелька громко фыркнули, за что были подвергнуты изгнанию. Анна Маврикиевна объяснила, что это – ее сын, а новорожденный лежит на кровати. Сконфуженная Лидия Ивановна обернулась, взглянула – и сейчас же отвела глаза: таким ужасным показался ей этот маленький, невероятно маленький человечек со старческим лицом и нитеоб-

разными, шевелящимися членами.

– Отчего он такой... худенький? – выговорила она. Корвин отвернулся, потому что страшно захотел плакать. Слово «худенький» неожиданно переполнило меру его жалости... он не знал, к кому: к себе, или к маленькому паучку, или к обоим вместе.

В церковь пошли пешком. Лиза и Корвин остались дома. Анна Маврикиевна несла сверток одеял, в глубине которых, вероятно, и находился новорожденный. По дощатым тротуарам, впереди, бежали девочки, низкорослые и многочисленные, и выделывали такие прыжки, что сейчас можно было узнать актрис Зоологического сада.

Лидия Ивановна шла отдельно, подбирая подол. Неловкость ее не исчезала. То ей казалось, что она чем-то обидела скромного мужа Анны Маврикиевны; то она думала, что напрасно надела темное, коричневое платье, что, может быть, это не в обычай... К ужасу своему она заметила, рядом с будущим кумом, новую особу, набеленную, с болезненным и печальным лицом. Она шла тоже в церковь. Ее стеклярусная накидка сверкала на бледном солнце.

– Кто это такая? – тихо спросила Лидия у Анны Маврикиевны.

– Эта? А Петькина Варька. Разве вы не знали? Любит он ее – страх, и она его, давно уже живут вместе, а жениться ему отец не позволяет. Не позволяет – да и на! Что будешь делать, строгий. Не по тебе, говорит, невеста.

Лидия оглянулась, опять обмерла и подумала невольно: «Dieu! Si c'est une fille...»¹

Наконец пришли в церковь. Там было пусто и не торжественно. Несколько унылых и бледных женщин ждали у стены с таким же свертком одеял, как у Анны Маврикиевны.

Варька скромно встала у двери. Петр пошел искать батюшку; девочки бегали по церкви и висли на перилах в приделе. Анна Маврикиевна завязала разговор с женщинами.

– Крестить?

– Крестить.

– Кавалер?

– Нет, девочка.

– Вот и невеста нашему. У нас кавалер. А что... законная? – прибавила шепотом Анна Маврикиевна, наклоня голову к самой бледной и унылой женщине.

– Нет, незаконная, – так же тихо отвечала женщина. – Где уж! – безнадежно произнесла она и потупила голову.

Разговор продолжался еще тише, и Лидия не могла больше уловить ни одного слова.

Пришел батюшка, сердитый, властный.

Крестных отцов и матерей поставили рядом. Восприемниками девочки оказались просто сторож церковный и женщина в платке.

Лидии Ивановне положили на руки ребенка. В свертке одеял она и не почувствовала маленького человечка, легко-

¹ «Боже! Если это девушка...» (фр.)

го, как скелет птички. Окунув мальчика, батюшка принялся за девочку. Девочка была толстая, красная и совершенно без волос. Ревела она очень громко.

Имена обоих детей – Наталии и Виктора – священник произносил рядом. Ходили вокруг купели тоже все вместе, и Лидия Ивановна, и сторож, и Петр, и женщина в ковровом платке. И наконец крещение кончилось.

Паучок был записан незаконным сыном мещанки Максимовой – Виктором Петровичем Петровым.

Вернулись домой. Стемнело. В зале зажгли свечи в парадных подсвечниках. На столе был один прибор. Лиза благодарил барыню и, несмотря на слабость, сама принесла ей телячьи котлетки. Семейство собралось в залу смотреть, как барыня кушает. Лидия пыталась усадить их с собою, но они не сели; их ждал хороший обед в спальней, после отъезда барыни.

Лидия обжигалась, торопясь кончить котлеты. Варя пристально и равнодушно смотрела ей в рот. Анна Маврикиевна суежилась без толку. Петр Корвин старался занять барыню и говорил что-то утонченное, а она не знала, как отвечать. Наконец котлетки были съедены, и барыня стала прощаться. Ее не удерживали, хотя очень благодарили и проводили до извозчика.

И сейчас же все преобразилось. Дети завизжали, две-три тарелки разбились, младенец Анны Маврикиевны заревел, а Варя налила себе рюмку водки и нелестно сострила насчет

барыни. Сели обедать. Даже скромный чиновник, супруг Анны Маврикиевны, развеселился.

Только Лаврентий Корвин неотступно был в детской у кровати и следил с интересом и прежней жалостью, как, после недолгого сна, опять молча заворошился только что окрещенный паучок Витя.

VII

Скоро все вошло в свою колею. Лиза по-прежнему жарила бифштексы, не ладила с барином и бранила Корвина, который бывал чаще прежнего, с соизволения господ и на правах жениха Лизы.

Но бедный ребенок Лизы не находил себе пристанища. Отдали было его к одной прачке за шесть рублей в месяц, брусок мыла и фунт кофе; но у прачки, во-первых, не было своего грудного, а потому и молока; во-вторых же, прачка жила в мокром подвале и ее собственные дети были так бледны, что когда они поднимались на улицу, казалось, что они поднялись из могилы.

Анна Маврикиевна, которая пока сама кормила Витю, говорила, что любит его не меньше собственного сына.

И один раз вечером Лиза, вся в слезах, попросила барыню на кухню.

В углу, прижавшись, сидел неизбежный Лаврентий Корвин. Посередине кухни стояла Анна Маврикиевна в волнении.

– Вот, барыня, – сказала Лиза, – Анна Маврикиевна решается Витьку совсем к себе взять. Восемь рублей, чай, сахар, еще там кое-что... Восемь рублей! А что ж у меня-то из десяти отанется?

Лаврентий поник головою, сознавая свою вину.

– Неужели же тебе для своего ребенка жаль? – произнесла Анна Маврикиевна. – Подумай, ведь за ним уход будет! А тебе что нужно? Ты сыта, одета...

Лидия Ивановна слушала нетерпеливо. Ее ждали гости.

– Конечно, Лиза, отдайте! – торопливо сказала она. – Что деньги! Лишь бы мальчику было хорошо.

Лиза начала громко реветь и причитать. Корвин отвернулся к окну. Но судьба Вити была решена: он поступил на попечение Анны Маврикиевны или, точнее, Зойки, Ольки, Лельки и Соньки.

– Ты не беспокойся, пожалуйста, о деньгах! – говорил Корвин Лизе, прощаясь с ней на лестнице. – Я жив буду, я тебе достану. Я – ты знаешь – как Витьку люблю. Ты, пожалуйста, не беспокойся.

– Да откуда у тебя, когда ты сам есть солдат нищий! У Агаши-толстой разве возьмешь...

Сердце у Корвина упало. Неужели ей сказали? Ему мерещилось всегда во всем худшее. Теперь он Агашу давно не видел и даже не знал, что с ней.

– Она опять в нашем доме живет, – добавила Лиза. – У одинокого барина, не по нашей лестнице. Увидитесь, Бог даст.

– Нечего про Агашу, – сказал Корвин, повертывая разговор. – А ты зачем из Гатчины письма получаешь? Я, ты знаешь, какой, я за скандалами не гонюсь, а все-таки поберегись лучше, коли я что узнаю...

– Вот еще козырь! Испугались тебя! Убирайся-ка, солдат, подобру-поздорову, мало я из-за тебя горя натерпелась, убирайся! – Внезапно вспыхнув, Лиза кричала громко. Кто-то уже отворил дверь на площадку. Лиза убежала в кухню, загремел тяжелый крюк. Лаврентий покорно уселся на каменную ступеньку лестницы. Он решил просидеть хоть всю ночь, а уж выпросить у Лизы прощенье.

Пробило только одиннадцать часов. У барыни были гости. То есть, собственно, не гости, а один гость – офицер. Барин сидел запершись у себя в кабинете, занимался. Агаша-маленькая, почуяв любопытное, бегала туда и сюда в своих войлочных туфлях. Несколько раз она как сумасшедшая врывалась в кухню, падала ничком на кровать и душила себя подушкой, чтобы не слышно было, как она хохочет. Наконец не утерпела и Лиза и тоже пошла послушать у портьер, что такое говорит барыня со своим офицером.

В комнате было почти темно. Лампа с длинным малиновым абажуром неясно освещала фигуру красавчика Перлова, развалившегося на оттоманке, и Лидию Ивановну, взволнованную, бегающую по комнате в черном платье со шлейфом.

– Хорошо, но я не понимаю, зачем кричать? – лениво говорил Перлов. – Не спорю с вами, Петр Петрович – лучший и удобнейший из мужей, но все-таки, при вашей несдержанности, если он услышит, мы будем в неловком положении.

– Вы стали бояться Петра Петровича? – с досадой воскликнула Лидия Ивановна. – Кажется, он имел бы случай

доказать свою проницательность, если бы только она у него была. Бросьте ненужные фразы. Я требую прямого ответа: вы меня больше не любите?

Давно Лидии Ивановне присмотрелось красивое лицо Перлова. А других достоинств он не проявил. И давно не было в нем ни новизны, ни интереса: он стал для Лидии Ивановны привычным и обыкновенным, как Петр Петрович, даже хуже Петра Петровича, потому что здесь требовалась надоевшая тайна, порой хлопоты... Все чаще и чаще прежняя, томительная скука посещала Лидию Ивановну.

Недавно она познакомилась с чиновником особых поручений; он был толстенький, черноглазый и славно читал Лермонтова. И Лидии Ивановне пришло в голову, что хорошо бы затеять новую историю с совсем новым человеком... Не все же похожи на Перлова и Петра Петровича... Может быть, новый человек и развлечет ее...

Между тем с Перловым она никак не могла порвать. Она писала ему записочки, делала сцены... Ей хотелось, чтобы какая-нибудь внешняя сила заставила их расстаться, помимо нее. А мысль, что он ее бросит, приводила ее в негодование и ужас. Это было бы унижением! И, боясь такого случая, она спрашивала беспрестанно:

– Ведь вы меня любите? Любите?

И Перлову надоела эта худая, смуглая, беспокойная женщина. Но воображая, что она его любит, он малодушно отдалял день за днем сцены и хлопоты разрыва.

– Любите или нет? Говорите, говорите! – настаивала Лидия Ивановна, топая ногой.

– Бог мой, нельзя вечно повторять одно и то же! У вас нервы расстроены, я тут, право, не виноват...

– Не любите вы меня! – закричала Лидия Ивановна и залилась потоком злых слез.

Портьера двинулась. В столовой раздались шаги Петра Петровича и шум накрахмаленного платья убегающей Агашки.

Напрасно Перлов старался унять Лидию Ивановну. Ее рыдания готовы были перейти в истерические вопли. При этом она говорила что-то, вероятно, обычные речи разозлившейся и капризной женщины. Перлов сидел как на иголках. Наконец встал, сказал, что придет завтра, что все будет хорошо, что он ей напишет, – или она ему напишет, – он сам не помнил, чем он ее утешал, – и потом скоро и трусливо юркнул в переднюю, надел пальто, избегая помощи Агашки, и бросился вниз по торжественной парадной лестнице, где на дверях сияли дощечки с надписями, полными достоинства, а внизу ждал серьезный и молчаливый швейцар.

Петр Петрович услышал стук двери и догадался, что гостя нет. Он переждал минуту и отправился к жене.

Лидия Ивановна сидела у камина и хотя уже не кричала, однако всхлипывала.

Петр Петрович запер все двери, приблизился и произнес тихо и твердо:

– Чтобы ничего подобного никогда больше в моем доме не было. Понятно? И чтобы я этого господина у тебя больше не видел. Я долго молчал, но ты не остановилась перед скандалом, а скандалов я не потерплю, хотя бы запереть тебя пришлось. Помни.

Сказав это, он вышел. Лидия Ивановна сразу притихла. Она опомниться не могла от удивления. Как, этот ничтожный Петр Петрович, суеверный, мягкий... Откуда у него такой тон? Не запрет же он ее в самом деле!.. Но Перлова, действительно, принимать больше нельзя... Тут Лидия Ивановна почувствовала радость, что, благодаря случаю, узел, связывавший ее с Перловым, отлично развязан. Да, но чиновник особых поручений? Придется выдумать что-нибудь. Это даже веселее – быть настороже. Она чересчур мало внимания обращала на Петра Петровича. Он все-таки муж.

И Лидия с интересом погрузилась в обдумывание способов обмана Петра Петровича в пользу чиновника особых поручений.

В кухне Лиза отворила дверь и впустила беспомощно-упрямого Корвина. Лиза чувствовала себя глубоко правой.

«Если сами господа так скандалят, кто меня смеет осудить?» – думала она гордо.

VIII

Маленькую квартиру в первом этаже занимал одинокий барин. Квартира эта выходила на ту же самую парадную лестницу, где жила и Лидия Ивановна с мужем, и Фомина, и важный профессор Агренин, но черный ход был другой. Поэтому Агаша-толстая, перейдя от Фоминой к одинокому барину, не могла проследить, часто ли Корвин бывает у Лизы. Она знала только, что бывает, а у нее, у Агаши – никогда.

Одинокий барин служил, имел хорошее содержание и любил ростбиф с кровью. По праздникам к нему приходила молоденькая, скромная барышня, Катенька; она жила где-то в гувернантках, отлучаться могла редко, а на барина смотрела с благоговением.

Агаша жарила ростбиф, чинила белье, но мысли ее были заняты иным. И вот, один раз, когда барин ушел в должность, она взяла большой платок, накинула его на голову и побежала на Моховую.

Агаша отправилась к гадалке. Одна гадалка – Агаша знала – жила на Песках; но та больше о пропажах говорила; эта, с Моховой, имела другую специальность.

День был туманный. Несмотря на конец ноября, санный путь еще не установился. С неба даже не падала, а оседала какая-то полузамерзшая сырость. Агаша вошла во внутренний двор высокого, грязного дома. Помои, мутная вода об-

разовали выпуклую ледяную кору на всем пространстве двора; теперь этот лед слегка оттаивал сверху, будто потел, и становился еще грязнее.

Агаша спросила у какого-то мальчишки квартиру номер 17. Мальчишка ткнул пальцем в самую дальнюю дверь.

Лестница была совершенно как всякая другая дрянная черная лестница. Но на самом верху, где помещалась квартира 17, приходилось еще идти долгое время пустым, совершенно темным коридором. Агаша нащупала дверь и потянула ее. Дверь отворилась.

В кухне, куда вошла Агаша, было необыкновенно черно. Стены, потолок, плиту – все покрывал черновато-серый, древний налет не то пыли, не то копоти. В окошко с непромытыми стеклами попадало немного свету.

На плите шипел кофейник, очень большой. Пахло пронзительно и застарело кореньями сельдерея, которые кладут в очень жидкий суп. В углу возилась старая, остроносая женщина.

– Кого тебе? – неприветливо обратилась она к Агаше.

– Раиса Ниловна здесь живет?

– По делу, что ль?

– По делу...

– Дождись. Занята. Вон еще ждут.

У окна сидела на стуле фигура, закутанная, как и Агаша, в платок.

Агаша взглянула, и женщина в платке показалась ей зна-

комой. Она подошла ближе и узнала подругу, Дуню, жившую в горничных.

Дуня выставила свою бледную мышиную мордочку из-под платка и немедленно стала шепотом сообщать Агаше, зачем она пришла к Раисе Ниловне.

Дуня в два года переменяла мест десять, благодаря своей страсти к познанию будущего. Сколько бы жалованья она ни получала, все оно целиком уходило на гадалок. Она хотела знать малейшие подробности того, что с ней случится, и не из каких-нибудь практических целей, а просто из непобедимой любознательности. Она побывала, кажется, у всех гадалок, все говорили ей разное, но она ухитрялась всем верить.

– Ах, Агаша, как эта хорошо говорит! – шептала она, захлебываясь от восторга. – Я уж у нее третий раз. Ты зачем? О Лаврентии своем гадать, это что в Лизку влюблен? Погадай, погадай, она все может. Увидишь. Мне сказала очень верно: будешь ты жить против церковного дома. На другой же день пошла на место – глядь – против церковного дома! Потом говорит: в пятницу опасайся врага. Я и думаю: какой такой враг? А только смотрю – приходит ко мне в пятницу кум Саша и начинает...

Но рассказ Дуни был прерван стуком отворившейся двери. Вышла дама, чрезвычайно пышно одетая, похожая на молодую купеческую жену, в синей бархатной ротонде и белом шелковом платке на голове. Пряча лицо в мех ротонды, она торопливо прошла на лестницу.

Позвали Дуню. Она пробыла недолго и вылетела сияющая. У Агаши с непривычки билось сердце.

Старуха указала ей на дверь, которую и затворила за нею плотно.

Комната была такая же черная, как кухня. В самом углу направо Агаша увидела окно, у окна небольшой стол, а за столом женщину в темном ситцевом платье.

В комнате был беспорядок, валялись какие-то тряпки, ворох неглаженного белья лежал на комод. Под стулом хрипел мопс, весьма добродушный на вид.

– Здравствуй, голубушка! – сказала женщина. – Подойди ближе, не бойся.

Раиса Ниловна была женщина не старая и не молодая, с полным, бледным лицом, очень добрым и привлекательным. Черные волосы, почти без проседи, она зачесывала гладко, по-старушечьи. В глазах у нее была печальная серьезность и сосредоточенное, почти благоговейное выражение.

– Ты погадать пришла, милая? – приветливо сказала Раиса Ниловна. – Я сейчас раскину карты. Пятьдесят копеек стоит.

Агаша заторопилась, вынула из кошелька пятьдесят копеек и положила на стол.

Раиса Ниловна не торопясь спрятала деньги, не торопясь взяла с окна старенькие карты и разложила их.

Долго смотрела она то на Агашу, то на карты и молчала. Лицо ее становилось все серьезнее.

– Вижу, о чем гадать хочешь, – произнесла она наконец. – Это все правда, он тебя не любит, а любит девушку, что живет от тебя близко. У них ребенок есть. Та девушка ему мила, и он даже имеет намерение на ней впоследствии жениться, а только не женится...

– Не женится? – воскликнула Агаша.

– Вижу его женатым, да не знаю, на ком... Вряд ли на ней... Может, и на тебе... Да, – прибавила она, – все может быть, коли умно себя вести...

И Раиса Ниловна смешала карты.

– Вот что я тебе скажу, девушка. Слушай меня хорошенько. Хочешь, чтоб он полюбил тебя, – это можно. Сказать, что ли?

– Скажите, пожалуйста! – выговорила Агаша, готовая заплакать от волнения.

– Только исполняй свято. Сходи на кладбище, возьми с семи могил земли и тихонько ему куда-нибудь положи, чтобы он не видел, а всегда при себе носил. Потом дам я тебе кусочек сахара. Ты этот сахар положи ему либо в кофей, либо в чай. Он к тебе на восьмой день придет. А если в холодное положишь, в пиво там, что ли, так на пятый день придет, потому что сила с паром не выйдет. Но только от этого он, все равно, через семь лет должен умереть. Хочешь – решайся, не хочешь – как хочешь.

– Нет, уж дайте сахар-то! – просила Агаша, заливаясь слезами.

Раиса Ниловна вышла и через минуту вернулась с кусочком сахара, пожелтевшим и пыльным. Она дала его Агаше и повторила свои наставления. Лицо у нее по-прежнему было искреннее и торжественное.

В кухне уже дожидался сиделец из лавки и старая баба со злым лицом.

Агашу опять охватил запах сельдерея, потом, в коридоре, беспросветный мрак – и наконец она, заплаканная, но верящая и утешенная, вышла на ледяной двор. По-прежнему мокрые, гутые волны тумана двигались между небом и землей, по-прежнему стучали дрожки по мостовой и под воротами бранились дворники. Но у Агаши теперь была надежда.

IX

Звонок следовал за звонком. Лиза едва успевала отворять двери. В кабинете Петра Петровича дым уже давно ел глаза, давно рассуждали об экономическом вопросе, а в одном конце старенький генерал, дама и два каких-то серьезных, должно быть важных, господина уже играли в винт. От зеленого сукна подымался душный запах меловой пыли, свечи в высоких подсвечниках мигали на лакированных углах стола. Петр Петрович хотя и любил винт, однако сам, в качестве хозяина не решался заняться им, тем более что по четвергам он знал, что был несчастлив в игре.

Из гостиной доносились женские голоса. Там сидели дамы, а также люди менее важные и более молодые. Лидия Ивановна, в темно-розовой кофточке, была интересна и оживлена: чиновник особых поручений присутствовал и даже с веселой ловкостью поддерживал общий разговор.

Говорили только о том, что никого особенно не интересовало. Болтая, каждый думал или о своих собственных делах, чуждых его словам, или ровно ни о чем не думал; поэтому все речи были еще скучнее, чем могли быть. Говорили о симфонических собраниях, говорили о франко-русских симпатиях, о ремесленной выставке; но одна дама, побойчее, желая сделать разговор более живым, высказала несколько мнений насчет общих знакомых.

Началось злословие, милое, ядовитое. В нем душа каждой дамы принимала деятельное участие. Некоторые щеголяли тем, что говорили только хорошее, выражали всем неумеренную симпатию; это было новое, утонченное злословие.

Барышни отстали. Общество распалось на кружки. У стола, под лампой, хорошенькая курсистка с розовым личиком толковала горячо о комитете грамотности.

– Нет, нет, это чудное, чудное учреждение! – уверяла она, хотя ей никто особенно и не возражал. – Побольше бы нам таких! В Петербурге это оазис!.. Я скоро уезжаю в провинцию, – прибавила она неожиданно.

– Зачем это? – спросил нахохленный студент, до тех пор молчавший.

– Как зачем? Мы там нужны, а не здесь! Что делать здесь? По воскресным школам ездить? Так это забава! Нет, я не забав хочу, а дела! Для чего же мы учились, как не для того, чтобы ехать в провинцию, в деревню, наконец!

– Опоздали вы, вот что! – спокойно сказал студент. Барышня вспыхнула.

– Это еще что? Как опоздала?

– Да так. Теперь это уж нейдет. Вывелось. Теперь символизм.

Проговорив это весьма явственно, студент еще более нахохлился и умолк.

Гости заговорили все разом; даже занятые злословием дамы прервали нить своих пересуд.

– Почему символизм? Что такое символизм, собственно говоря? И при чем тут символизм?

– Ах, Боже мой, я знаю, знаю! – простионала полная дама в прекрасном бархатном платье. – Это вот в Париже, новые течения... Не декаденты, те просто помешанные, а это... *C'est plus serieux...*² Я не умею вам объяснить...

– О! это анархисты! – в каком-то просветлении и отчаянии вскричала молоденькая жена профессора, похожая на испуганную птичку. – Да, да, я слышала, это и есть, все анархисты и есть символисты, это у них всегда соединено...

Ее стали опровергать. Разговор сделался живым. Каждый старался высказать все, что он знал о символизме и анархизме. Кругленькая курсистка кричала, что ей все это давно известно, и даже привела два какие-то символические имени, никому неведомые.

Лидия Ивановна, мало интересуясь столь отвлеченными предметами, затеяла было разговор вполголоса с чиновником особых поручений, но их прервали – следовало идти пить чай. Явились и важные, седовласые гости из кабинета. Только винтеров уж не тревожили, да они вряд ли сдвинулись бы с места, если б даже загорелся соседний дом.

В столовой было светло, просторно и холодно – только что отворяли форточку. Но через десять минут холод заменился нестерпимой жарой, которую победить уже ничем нельзя. Телятина и вечные бутерброды, магазинное варенье и слив-

² Это весьма серьезно (*фр.*).

ки с желтым налетом, икра и виноград с темноватыми боками – все красовалось на своем месте. Лидия Ивановна угощала, Петр Петрович даже не присаживался, ходил вокруг стола и суетился.

Испитой молодой человек, не из важных, грустными глазами смотрел на телятину, икру и думал: «Вот если б это все, да у меня дома!» Бедняга имел горькое свойство терять аппетит в гостях; и голод возвращался только дома, где у него не было ни икры, ни телятины.

Лиза служила у стола, приодетая, но с нахмуренным лицом. Совсем не вовремя эти гости. И она старалась исчезнуть в кухню, поручив маленькой Агаше снести подогретый самовар.

В кухне сидела Анна Маврикиевна. Вид у нее был сердитый и сконфуженный. На коленях, в свертке пеленок, она держала пятимесячного Витю, который не плакал, а тихо, покорно и непрерывно стонал.

Зойка пила чай.

Лиза сурово спрашивала:

– Да как это случилось-то?

– Ты, пожалуйста, не думай, ничего у него не повредилось. Кабы не Зойка-дрянь, ты бы ничего и не знала. Я его не меньше твоего люблю; это уж так случилось, одно к одному...

– Это пьяной нужно быть, чтобы ребенка больного из саней выбросить...

– Так я пьяная по-твоему, пьяная? Я знаю, тебе про ме-

ня давно наговаривают, что я восемь рублей беру, а ребенку рыночное молоко даю, по ночам его одного оставляю... Что ж, скрывать нечего: сегодня мы через Троицкий мост ехали, толчая такая, санки за санки зацепились, я кричу: стой! Гляжу – Витьки-то у меня на руках нет. Темнота, где тут при фонарях его скоро найдешь. Потом смотрю – лежит, сердечный, на снегу и молчит; а только не убится, уж я тебе отвечаю. Ведь одеяло, пеленки...

– Не убится, а как стонет...

– Он, мать моя, неделю уж так стонет. К думскому врачу носила. Говорит, такой уж гнилой ребенок.

– Хоть бы помер, хоть бы помер! – с отчаянием воскликнула Лиза. – Испортили ребенка, теперь уж ему один конец...

– Испортили?! – взвизгнула Анна Маврикиевна. – Я тебе его испортила? Так на ж тебе его, возьми, девай куда хочешь, ко мне только не носи. Наплевать мне на деньги твои, если ты мою любовь и участие не ценишь! Никто еще меня так не позорил, чтобы я детей портила! И сама со своим Лаврентием кривоногим не шляйся! На, бери, бери! – продолжала она, укладывая стонущего ребенка на постель. – Вот тебе и соска его, и приданое все... Пользуйся! Я, признаться, с тем и ехала, потому что у меня и так сил больше нет, а еще чтобы позор от тебя принимать... Иди, Зойка!

И, величественно поправляя старенькую ротонду, Анна Маврикиевна пошла к выходу.

Лиза бросилась за ней на лестницу и закричала:

– Как? Ах ты бессовестная! За полмесяца вперед взяла, ребенка убила, испортила, да мне как щенка подбросила? Ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Анна Маврикиевна закричала громче Лизы.

Добродушный дворник Лазарь, с черной окладистой бородой и умными глазами, пришедший тушить лампы, напрасно усовещивал:

– Уймитесь, бабы, ведь ночь, да и срам: во всех квартирах слышать.

Крики становились громче. Лиза не подозревала, что злонаправная маленькая Агаша, презрев свои обязанности, преспокойно заснула в ванной комнате. Напрасно в пустой кухне трещал колокольчик – никто не шел на зов барыни провожать гостей.

Только на кровати жалобно и тихонько скрипел маленький человечек со старческим лицом и смотрел прямо в потолок печальными и неувидленными глазами.

Х

После долгого отчаяния, совещаний с барыней, с Лаврентием и почти со всеми прислугами на лестнице Лиза оставила ребенка у себя. Она решила нянчить его сама в свободное время и покупать молоко на ферме. По настоянию Лидии Ивановны, мальчика опять носили к доктору; но доктор как-то ничего не сказал и даже ничего не прописал.

Так как на негодную маленькую Агашу нельзя было возложить никаких надежд, то свободного времени у Лизы оказалось очень немного. Витя почти всегда лежал на постели один. Никто не разговаривал с ним, никто не забавлял его, не менял ему белья и не мыл рожок. Были дни, когда Витя не стонал. Тогда он молча шевелил бедными членами и порою даже задумчиво улыбался. А потом опять начинал охать и стонать по целым дням.

Нередко синий чад от жарящегося бифштекса или свиных котлет заставлял Лизу открывать дверь на черную лестницу. И пока чад, колыхаясь и цепляясь за потолок, медленно выходил по верху, снизу вползал тяжелый, холодный воздух и расстилался широко, захватывая и бельевую корзинку на стуле, где лежал Витя. После того, как он раза три упал с кровати на асфальтовый пол, его стали класть в корзинку.

«Все равно, ребенок уж испорченный; он и еще раз упадет – хуже не станет», – думала Лиза в минуты досады, когда ей

из-за сына приходилось отказаться от приглашения на именины.

Лаврентий думал не так. Все свободное время он проводил около Вити. Мальчик как будто узнавал его. Лаврентий только смотрел и жалел. Он рассматривал крошечные ноготки на сморщенных пальчиках и твердил про себя, впрочем не развивая эту мысль:

– Никогда нельзя такого покинуть.

По утрам чернобородый дворник Лазарь приносил дрова и с глубоким раздумьем и нежностью смотрел на Витю.

– Экое дитя какое худое! Молочком бы ты его, Лизавета.

– Чего ему! И так целый день покоя нет. Я не богачка, чтобы ему по две бутылки на день покупать.

Лазарь задумался.

– Так, – протягивал он. Потом неожиданно прибавлял, – а что ж Лаврентий-то? Когда думаете свадьбу играть?

– Да не ближе осени. Он, как службу кончит, должен еще к родителям съездить недели хоть там на две; вернется – ну тогда уж...

– К родителям, – задумчиво говорил Лазарь. – Его родители-то известные, строгие... Я ведь сам из тех мест. Наш поселок не далее, как с версту от ихнего дома. Такие они строгие. Конечно, по старой вере. У них ни курить, ни пить не допускается, а ежели дитя в чем-нибудь против родителей, то сейчас проклятие... Я сам к осени домой ненадолго поеду... Увижу, как там Лаврентий с родителями сговорил-

ся. Всякий тоже своему сыну невесту ищет с деньгами...

– Полно ты, пожалуйста. Слава Богу, сын-то уж не ребенок. Как это они ему не позволяют жениться, на ком он задумал?

Лазарь качал головою и умолкал.

Проходили дни. Один раз, вечером, пользуясь отсутствием господ, Лиза побежала навестить приятельницу. Но сердце ее было беспокойно, и она скоро вернулась. В кухне сидел Лаврентий Корвин. Витя неслышно спал. Агашка, с полотенцем на плече, над ворохом невымытой посуды дремала у плиты.

Лиза мимоходом толкнула Агашку и подошла ближе к Корвину.

– Здравствуй. Да чего ты? Бледный какой-то...

– Разве я бледный? Ничего. Не извольте беспокоиться.

– Да говори толком! – крикнула Лиза. – Что случилось?

– Право же, не извольте беспокоиться. Не стоит. Так, пустяки. Что вам, какая обо мне, о солдате, забота? А только Агаша меня извести намерена.

– Это еще что? Господи! – воскликнула Лиза. – Агаша-толстая? Почему ты знаешь?

– А вот не угодно ли поглядеть, в карманах у меня земля, явно могильная, с толчеными костями. В ней же крестик деревянный.

Лаврентий дрожащими руками развернул пакет с сухой серой пылью.

– А вчера я зашел к Васе-куму, так тот мне признался, что она, Агаша, ему сахар какой-то давала, и он, действительно, сахар этот мне в чай клал.

Негодование Лизы не было предела. У нее мелькнула мысль, которую она немедленно привела в исполнение.

– Агашка, беги в пятнадцатый номер, позови сюда Агашу-толстую, скажи – на одну минуту Лаврентий ее сюда просит, а Лизы, скажи, дома нет, понимаешь? Живо только!

Прежде, чем Лиза договорила – маленькой Агаше уже не было в кухне. Любопытство придало ей крылья.

Но Лаврентий сообразил, что свиданье может кончиться дурно для него. Лиза узнает о деньгах, о том, как он виделся с Агашей летом...

Охваченный ужасом, Корвин попытался уйти, но Лиза его непустила. Тогда он остался и поник головою в беспомощном ожидании.

Через несколько минут вбежала маленькая Агаша и возвестила:

– Идет!

И действительно, вслед за ней торопливо вошла Агаша-толстая.

На ней был ее серый платок, лицо казалось еще похudevшим и постаревшим.

Увидя Лизу, она сказала:

– Что это? Это ты меня звала?

Корвин все так же сидел, опустив голову и глаза, и даже

пытался незаметно зажать уши руками.

– Да, это я вас спросить хотела, – начала Лиза иронически, едва сдерживая злобу, – не вы ли это колдовством занимаетесь? Землицей да сахарцем кавалеров приманиваете? Да знаешь ли ты, дрянь этакая, что я могу в суд на тебя донести? Не похвалят тебя за эти дела! Ах ты, староверка, ведьма скверная!..

Лиза остановилась от волнения. Агаша смотрела то на нее, то на Корвина. Она сообразила все.

– Лучше бы тебе помолчать, – сказала она резко и громко. – Ровно как будто я и не о тебе колдовала. Твое дело с твоим ребенком убогим возиться. Еще это и неизвестно, чей он. А Лаврентию скажи, коли он меня слушать не хочет, чтобы он мои деньги, сто тридцать рублей, которые я ему в лагери летом привозила, непременно бы отдал! Небось тогда меня не гнал и Лизаньку дорогую не попомнил! Я не боюсь: пусть скажут, что я еще кого-нибудь любила, кроме Лаврентия – никто не скажет про меня! А ты еще штуки мне подстраивать! Подумаешь, барыня! Какова я ему родня, такова и ты! Это еще его нужно спросить, которая ему милее...

Лиза не вымолвила ни слова. Она видела, как Агаша повернулась и вышла. Было несколько секунд глубокого молчания. Лаврентий сидел, не двигаясь и глядя вниз. Агаша-маленькая замерла в любопытном ожидании. Неслышно и часто дыша, ребенок спал в корзинке.

Вдруг Лиза, выйдя из оцепенения, завизжала не своим го-

лосом и, опрокинув табуретку со стаканами, кинулась к Лаврентию. Табурет с грохотом упал, посуда зазвенела. Ребенок в корзине странно, отрывисто вскрикнул – и сразу умолк. Крик его своим необычным звуком заставил и Лизу, и Лаврентия невольно обернуться. И сейчас же, несмотря на весь пыл ссоры, оба кинулись к Вите.

Лиза схватила его на руки.

– Господи, что это, что это? – повторяла она. – Что же это? Совсем умирает...

Худенькое тельце билось и тряслось, как в судорогах; лицо сделалось бледно-прозрачное, с пепельными тенями; особенно ушки стали совсем серые под тонкими детскими волосами. Глаза, сначала полузакрытые, закрылись совсем; понемногу уменьшался трепет и дрожь; теперь только слезы текли из-под синеватых век с длинными ресницами.

Лаврентий давно рыдал. Лиза в новом оцепенении смотрела на ребенка. Глаза не открывались, но серые тени мало-помалу сползали с лица. И мальчик только изредка всхлипывал и вздрагивал, как взрослый человек, когда он раньше долго и много плакал.

Потом он совсем затих и уснул.

Но Лиза не спускала его с рук и не думала возобновлять ссору с Лаврентием, который смотрел слишком жалким и несчастным.

На другой день позвали доктора. Доктор объявил, что ребенка испугали во сне. Лекарств никаких не дал.

Припадки стали повторяться. Лиза похудела, все забывала и сделалась такой прислугой, которую нельзя держать. Господа за свои деньги желают, чтобы чужой человек заботился об их интересах больше, чем о собственных; а у Лизы эти собственные интересы сделались такими важными, что господские неизбежно страдали.

Каждый раз казалось, что ребенок умирает; и странно было видеть, как оживает тощее, упрямое тельце. Корвин днями не отходил от больного ребенка и плакал. Лидия Ивановна, случайно заставшая припадок, вскрикнула, убежала из кухни и с брезгливым чувством подумала, что так продолжаться не может. В самом деле, это, наконец, скучно, в доме беспорядок, Лиза растерянная, в кухню войти нельзя...

Конечно, жалко мальчика, но ведь невозможно всем из-за него страдать.

Лиза и сама поняла, что надо на что-нибудь решиться. Измученная и злобная, она объявила барыне:

– Я, барыня, Витьку лучше в деревню свезу. У меня в чухонской деревне женщина знакомая есть. Она детей поправляет. А и не поправит – один конец. У меня уж сил нет на него глядеть. Ни смерти, ни живота...

Лидия Ивановна чрезвычайно обрадовалась. Наконец-то опять все придет в порядок! И на другой же день Лиза увезла Витю в чухонскую деревню.

XI

Пришла и прошла весна. Минуло лето. В один осенний вечер, в узенькой кухне, где было жарко и едва помещались плита и стол, сидела Лиза. Наклонившись к лампе, она чинила рубашку, но дело не спорилось.

Против Лизы сидела другая девушка, по одежде – служащая из института.

Подруги давно не видались.

– Ну что, как ты? – спрашивала Лиза.

– Да все по-прежнему. У нас, в казне, нового мало. Ты про себя говори. У тебя вон перемены.

– Просто горе одно. Получил барин какое-то место новое – тесна квартира сделалась. Переехали во второй этаж, с шиком. Комнат – им вдвоем и не обойти, а прислуге вот какое помещение. Тут и кушанье готовить, тут и спать... Здоровье только испортишь...

И она вздохнула.

– Ты бы отошла, – посоветовала подруга.

– А Витька? Пока без места буду, пока что... Кто за него три рубля пошлет? А господа – Бог с ними. О своих удобствах слишком заботливы, а удобств им все-таки никаких нет. На даче жили – так все лето как кошка с собакой. Поссорятся – барыня сейчас бариново зеркало бац об пол! Тот весь позеленеет – смерти боится. А барыня ему напротив,

все напротив... Сюда переехали – драться начали. Вот ей-Богу. Дерутся.

– А из-за чего?

– Да кто их знает. Скандалят. Из-за чего ни на есть, а уж схватятся.

Она замолчала.

– Лиза, послушай, – начала подруга. – Что ж, о Лаврентии так ничего и не слышно? Ведь уж скоро ноябрь. А он когда к родным-то уехал?

Лиза нахмурила брови и не сразу ответила.

– Ничего не слышно, – выговорила она. – Уехал в сентябре. Летом ко мне на дачу приезжал. Обещался письмо прислать – и все нет. Думается, уж не помер ли. А правду говоря – так наплевать мне на него. Нисколько я о нем даже и не думаю. Витьку жаль.

Подруга покачала головой.

– Ну это как же не думаешь?! Нельзя не думать. А что он говорил, как уезжал?

– Барыня ему сама сказала: «Не уезжайте вы, Лаврентий, женитесь сначала на Лизе, я и платье подвенечное сделаю. Лучше после венца поедете. А то неизвестно, каким вы окажетесь». А он еще так гордо ответил: «Напрасно вы обо мне это полагаете». И письма даже не прислать. Да мне решительно все равно, хоть пропади он! – прибавила Лиза намеренно небрежным голосом. – Пусть он хоть двадцать раз там женится...

– А разве слышно что-нибудь?

– Стану я ходить расспрашивать, себя ронять! Да я все узнаю скоро. Дворник наш, Лазарь, домой раньше Лаврентия уехал. Скоро вернется – и все дела тамошние расскажет; они с Лаврентием из одного места. Да и я-то мало интересуюсь. Вот жду Витю к себе гостить. Чухонка привезет. Ее муж здесь извозчиком ездит; с ним она повидается.

– Ты одна теперь служишь?

– Одна. Агашка совсем избаловалась, ее барыня в деревню отослала. Она у нас ревела-ревела – травиться вздумала. Намешала спичек в стакан, головок, сидит в углу со стаканом, а выпить боится. И грех и смех. Не хочет сарафан надевать. Однако же ее отправили.

Подруга посидела еще немного и ушла.

Лиза бросила работу. Пробыло одиннадцать. Господ не было дома. Но Лиза, услышав бой часов, поспешно поднялась и начала ставить самовар. Она вынула большой кусок полубелого хлеба, сахар в бумажном мешочке и нарезанные ломтики чайной колбасы.

Лиза не сказала подруге, что она именно сегодня вечером, с поезда, ждала из деревни сына с его воспитательницей, чухонкой, Еленой Петровной. Лиза на видала Витю больше полугода, и хотя Елена Петровна писала, что он здоров, все понимает – Лиза все-таки представляла его себе прежним, убогим Витей и стыдилась этого убожества перед другими.

Постучали. Лиза бросилась отворять. В кухню вошел вы-

сокий мужик, курносый, неповоротливый и застенчивый. На нем была дубленая шуба и валенки. Редкая, светлая борода его не курчавилась, губы улыбались.

– Ну что, не приехали еще? – спросил он у Лизы. Это был муж Елены Петровны. Зимой он месяца три ездил в Петербург извозчиком.

– Да нет, – отвечала Лиза. – А уж время. Что ты на вокзал не поехал, Ефим?

– Некогда. И так чуть справился.

Ефим улыбнулся и сел. Вся маленькая кухня наполнилась запахом кожи, шерсти и мужика. Лиза принялась дуть в самовар.

Опять постучали. Дверь открыл Ефим, с неловкой торопливостью, и впустить высокую женщину в платке и, как показалось Лизе, с большим узлом в руках.

Лиза от волнения не могла двинуться, стояла и ждала молча.

Женщина подошла к постели, положила узел, потом перекрестилась на образа. Повернувшись к мужу, который так и сиял улыбками, она не бросилась к нему на шею и даже не поцеловалась с ним. Она чинно и ласково пожала его пальцы своей рукой, сказала ему что-то и тогда уж, подойдя к Лизе, поцеловалась с ней трижды.

– Ну, здравствуйте, ну, здравствуйте! – произнесла она степенно. – Встречайте сына. Он совсем заспался.

Не торопясь, она стала развязывать платки и шали. Узел

зашевелился. И через минуту на коленях Елены Петровны сидел хорошенький полуторагодовалый мальчик в ситцевом фартуке, с розовыми от сна, полными щечками. Светлые глаза исподлобья смотрели на незнакомое кругом.

Крутой детский лоб закрывали длинные волосы, желтые, как солома. Если бы не что-то прежнее, все-таки печальное, во взгляде, вряд ли кто-нибудь узнал бы в этом толстеньком ребенке всегда стонущего, жалкого, «испорченного» паучка Витю.

– Господи, да неужели это он? – вскрикнула Лиза, всплеснула руками и немедленно упала ничком на простывшую плиту, чтобы залиться слезами.

– Перестань! – строго сказала чухонка. – И о чем реветь? Слава Богу, мальчик здоровенький, вырос, гостить к тебе приехал. Ты радоваться должна.

Лиза скоро опомнилась. Она принялась ставить угощение, заварила чай. Хотела было Витю переманить к себе, но он решительно воспротивился, уцепился за свою чухонку и ясно и внушительно произнес: «Мама».

Лиза была для него теперь «чужая тетя».

– Как же вы поправили-то его? Лечили? – допрашивала Лиза.

– Чем у нас лечить? В деревне докторов нет. А так, понемножку. У меня свои дети, были и слабенькие. Да и полюбила я его. Купала, ножки ему растирала. Молоко некупленное. Вот и поправился, слава Богу.

Она погладила его желтые волосики. Витя взглянул на Ефима и улыбнулся, узнав его.

Ефим немедленно протянул ему темную, жесткую, извозчичью ладонь. Витя хлопнул по ней пухленькой ручкой и опять улыбнулся. Потом ему дали кусочек сытного, и он с ним заснул, прижавшись к «маме».

Елена Петровна по-своему, по-чухонски, стала говорить с мужем; он все время блаженно улыбался, а она только глядела с ласкою.

Елена Петровна была сухая, прямая, очень высокая женщина лет тридцати пяти, с приятным, спокойно ясным лицом. Ясность придавал ее большой, выпуклый лоб. Бесцветные волосы, редкие и припомаженные, были тщательно расчесаны по-деревенски, на прямой ряд. Ситцевый платок едва позволял их видеть. Она смотрела уже немолодой, увядшей, как все тридцатилетние женщины после деревенской работы. Платье ее было скроено с широкой кофтой, без малейшего намека на моду. Ни в одежде, ни в разговоре, чинном и медлительном, не было ни единой черты, по которой можно бы заметить, что она, как Лиза, как Агаши, Дуни, Оли и Кати, стремится быть похожей на барыню. Елена Петровна решительно ничем не походила на барыню. Но зато она, в своем ситцевом платке, со спящим мальчиком на коленях, немолодая и увядшая – напоминала странно полудетские-полудевические лица мадонн, светловолосых, на старых, милых картинах.

Лиза сидела молча, прислушиваясь к незнакомым словам, и, улыбаясь про себя, смотрела на Витю.

XII

Лидия Ивановна, еще похудевшая от вечной скуки беспокойного недовольства, удивилась, не узнала Витю, хотела поцеловать его. Когда он заревел, испуганный смуглым лицом «тети», она немного обиделась; а скоро и вовсе забыла о своем крестнике, ибо в кухню заходила редко.

Смена лиц, ухаживателей, уже давно не прогоняла ее скуки. Люди были разные, но романы все так походили один на другой, что Лидии Ивановне казалось иногда, что это все тот же старый Перлов. От скуки она устраивала энергичные сцены мужу, который, с получением нового места, сделался менее тих, а с переездом в большую квартиру, где кухня была далеко, – менее боялся скандалов.

Один раз утром, когда Витя, в чистеньком передничке, на коленях у Елены Петровны пил молоко, Лиза перетирала посуду, в дверь просунулось чернобородое лицо дворника Лазаря.

– Батюшки, Лазарь! – вскрикнула Лиза, роняя полотенце. – Иди, иди сюда! Приехал давно?

Лазарь вошел, помолился на образа, поздоровался с Еленой Петровной. Узнав, что полненький мальчик – прежний Витя, умилился необыкновенно, и долго, и внимательно рассматривал его со всех сторон, дотрагивался осторожно, точно это был какой-нибудь искусственный ребенок.

Лиза делала вид, что нисколько не заботится о сведениях, которые мог привезти Лазарь из-под Москвы. Лазарь не начинал речи.

Наконец, он собрался идти.

Он простился, постоял в раздумье и потом решительно выговорил:

– Накинь платок, Лизавета, выйди на лестницу. Я тебе скажу что-то.

Лиза схватила платок и оба торопливо вышли.

На лестнице было светло, холодно и тихо.

По случаю раннего времени еще ни одна прислуга не успела побраниться с другой. Только со двора доносился редкий и гулкий стук топора: дворники раскалывали поленья.

Лизавета прислонилась к подоконнику и ждала. Сквозь мутные стекла высокого окна проникали лучи солнца, утреннего и желтого; оно казалось еще ярче от выпавшего за ночь снега.

– Ну что? – сказала, наконец, Лиза.

– Да что... – И Лазарь, сдернув шапку, нерешительно почесал затылок. – Там, видишь ли, такие истории были. Родители его, Лаврентьевы-то, в наших местах известные. Староверы. Ну, конечно, они несправно живут. В течение последнего времени совсем расстроились. Средний сын не угодил – его сейчас отец первым делом избил, а затем проклял. Отец такой рослый мужик, видный, силища, как у молодого. Сын-то запил и неизвестно где шатается. Между тем в доме же-

на его осталась и с двумя детьми. Тоже строение у них сгорело. Перебивались они, конечно. Вся надежда, значит, на Лаврентия. А он, как приехал, сейчас это смело так: я, мол, жениться хочу, у меня уж семья есть. Ну, тут отец, ничего не говоря, размахнулся, да так ему в ухо угодил, что тот полтора часа без памяти лежал. Потом очнулся и сказал только: «Благодарю тебя, отец, за науку». У них, у староверов, видишь ли, строго: чтобы к родителям почтение иметь. А Лаврентий такой смиренный. Да хотя бы и драться полез, где ему против мужика здорового?

– Да ну, говори дальше, – перебила Лиза. – Женили?

– Он, Лаврентий, весьма, знаешь ли, долго крепился. Отец ему все внушал, что он должен родителей пожалеть. Он ему невесту давно приготовил. Ничего девка, немолода уж, и один глаз немного так оспой попорчен, а то ничего. За ней денег триста рублей, да две постройки. И такая история шла! Отец говорит: не женишься – все равно в Питер вовеки не попадешь. Будешь у меня здесь навоз возить. А женишься, поможешь родителям, как Господь Бог велел – отпущу в Питер на место. Из-за тебя все мы должны погибнуть: и я с матерью, и сестра убогая, и братнины дети. Я же все равно тебя искалечу и проклятие наложу. – Часто мы, знаешь, видали, сидит Лаврентий вечером на крыльчке деревянном и заливается-плачет. Ни одежды ему не сделали, паспорт отец к себе взял. Похудел даже Лаврентий. Просил тебе ничего не говорить. А что ж не говорить? Все равно, не скроешь. Ты, Лиза,

не думай очень. Что ж делать?

– Когда свадьба была?

– А вот после первого. Все жениха жалели. Деньги отец взял. Одежу Лаврению справили. Он нисколько дома и не пожил. Уговаривали остаться – куда тебе! И жену бросил, и все. «Как вы со мной, говорит, так и я с вами. А я свой долг исполнил». На месте, слышно. Не был еще у тебя?

– У меня? – Голос Лизы был неожиданно громок. – У меня? Пусть придет, пусть только придет... Что ни попадет, тем в него и пуцу! Мало я из-за него... из-за него...

Лиза стремительно кинулась в кухню и захлопнула дверь. Лазарь постоял-постоял на площадке, вздохнул и начал спускаться вниз.

Прошло несколько дней. Лидия Ивановна, узнав дело, возмутилась необыкновенно и решила, что Лиза не должна и видеть Корвина. Лиза не плакала. Она только осунулась, говорила отрывисто и зло, и ни за что не отпускала Елену Петровну с Витей в деревню.

– Я ему покажу, пусть только осмелится прийти. Я не какая-нибудь. Кабы я хотела – у меня бы не этикие кавалеры были. А за Витьку он должен платить, ему и окружной суд присудит...

Елена Петровна молчала. Она больше говорила о Вите. Мальчик уже начинал ходить и все болтал на своем неведомом языке. У господ были гости.

Лиза побежала за булками и за лимоном. Когда она вер-

нулась, переводя дыхание, нагруженная свертками, у стола против Елены Петровны, в пальто, но без шапки, сидел Корвин. Штатское платье делало его еще меньше и уже. Лицо обросло бородкой, вытянулось; глаза смотрели запуганно и робко, но с прежней упрямой безнадежностью.

Витя чувствовал доверие к такому маленькому дяде. Он заигрывал с Лаврентием, смеясь и пряча голову в колени Елены Петровны.

Увидав Лизу, Корвин встал.

– Ты зачем? – сказала Лиза тихо, почти шепотом. – Ты с какими глазами пришел? – Вон сию минуту, слышишь?

– Что ж, я сознаюсь... – залепетал Корвин. – Но только меня всякий оправдать может... Так как я, во-первых, без любви, и кроме того родители... И пусть они там как хотят, а от меня больше век ничего не увидят. Я и жену не увижу никогда. А для тебя и для Витьки жизнь готов отдать...

– Да что ты, издеваться надо мной вздумал? – закричала Лиза со злостью и слезами. – Вон, сию минуту, или я господ сюда позову!

И она бросилась было к двери. Корвин испугался. Он едва нашел шапку и вышел. Но на лестнице, как прежде, сел на каменную ступеньку и заплакал.

Поздно вечером, когда Елена Петровна и Витя давно спали, в дверь тихонько стукнули. Лиза не спала. Она знала, что Корвин сидит на лестнице. Она подошла к дверям.

– Это опять ты, – злобно зашептала она. – Если ты сейчас

не уберешься, я дворников созову, весь дом перебужу.

Слабый голос Лаврентия умолял.

– Отвори мне, Лиза, на одну минуточку. Я тебе только два слова скажу. И уйду сейчас же.

Лиза приотворила дверь.

– Говори, я сейчас захлопну.

– Лиза, вот Богом клянусь, я от тебя никогда не отстану. У меня место хорошее, возьмем Витьку к себе и будем жить вечно вместе. А я от тебя все равно не отстану. Уж будет по-моему. Хороша же твоя любовь была!.. И знай, если ты мне не покоришься – ни мне, ни тебе не жить. Вот, у меня припасено.

Он трясущимися руками вытащил откуда-то небольшой кухонный ножик с острым лезвием. Лиза стояла не шевелясь. Он спрятал ножик и старался шире отворить дверь. Лиза опомнилась. Она оттолкнула его изо всей силы, и, закричав опять: «Сказано, вон!» – захлопнула двери.

Все в доме знали историю Лизы. Агаша-толстая не жила больше у одинокого барина. Несколько времени тому назад, у барина в квартире, тайно, в его отсутствие, отравилась молоденькая гувернантка, скромная барышня, приходившая к нему по воскресеньям. Была неприятность – и барин выехал из Петербурга. Агашу Лиза встретила раз в сумерки, на дворе. Она проскользнула мимо, не глядя. Лизе почудилось, что глаза у нее заплаканы.

Дворник Лазарь останавливал иногда Лизу на лестнице.

– Ну, что?

– Да что, бродит около дома, пока я его кислотой не облила, – говорила Лиза, глядя в сторону. – Грозится.

– Что ж, не покоришься?

– Не на таковскую напал. Он посмеялся – а я покорюсь?!

– Ой, берегись, девка! – загадочно произносил Лазарь. – Конечно, много ты горя от него приняла...

Повсюду, на лестнице, на дворе, за углом – Лизе мерещился Лаврентий. Не переводя духа она летела вверх по ступенькам, боясь увидеть его тонкую фигуру, поджидающую ее. Она не могла бы объяснить, чего она боится. Ведь не угроз же его! Подумаешь, храбрец! Она просто боялась его беспокойных глаз и худого лица, обросшего бородой.

По вечерам у Лизы билось сердце, и ей казалось, что она скоро умрет. Квартира наполнилась самыми мрачными предзнаменованиями. Мыши так и бегали по коридорам. В гостиной, на столе, сам собою прозвенел колокольчик. В стенах что-то трескалось и шуршало. А раз утром Петр Петрович увидел трех черных тараканов, с трех разных сторон подползающих к образу в столовой, что уже не оставляло сомнений: тараканы (черные) у образов – к покойнику в доме!

Конечно, тараканы не могли указать, кому именно они предрекают смерть. Петр Петрович и Лиза равно приняли их на свой счет. Петр Петрович жил в постоянном беспокойстве, в ожидании. Прислушивался – не болен ли, и действительно начал прихварывать.

Лидия Ивановна, как добрая жена, ухаживала за ним – даже слишком усердно, пожалуй. Новая роль сиделки развлекала ее. Лиза то и дело бегала в аптеку.

Уже больше двух недель прогостила в Петербурге Елена Петровна с Витей. Пора было домой, как ни удерживала Лиза. Настал и канун отъезда. Связали узлы. Лиза купила бубликов, муки, сахару, кофе. Сердце ее ныло, но она делала вид, что весела. Витя к ней привык, и хотя «маму» свою любил несравненно больше, однако и с доброй тетей нередко разговаривал, играл, смеялся. Сегодня он долго не хотел ложиться. Елена Петровна, глядя на него, улыбалась и поправляла свой платок. Ефим освободился рано и уже не отходил от жены.

Уже поздно, часов в десять, барыня вышла в кухню.

– Лиза, пожалуйста, сходите в аптеку. Купите лакрицы, мяты и боткинського порошку. Вот тут записано.

Лиза молча стала надевать калоши. Но выйдя за дверь, она вскрикнула и вбежала назад в кухню. За дверьми стоял Лаврентий Корвин.

Лиза в эту минуту не думала о Корвине и потому испугалась еще больше. Не успев запереть дверей, она опустилась на ближайшую табуретку.

Лаврентий несмело вошел. Он казался растерянным и больным, был в черном пальто внакидку и при переднике. Он торговал в погребе и пришел, вероятно, прямо оттуда.

– Ты опять... – начала Лиза.

– Не беспокойся. Я только пришел в последний раз просить вас... И прошу вас выйти со мной на лестницу. Мне совершенно необходимо сказать вам два слова... А чем вам по судам таскаться, я за Витьку платить всегда согласен. Вот, извольте.

Он торопливо достал портмоне, вынул трехрублевую и положил ее на стол.

– А только теперь, пожалуйста... Два слова всего... И передать нечто... Будьте так добры...

Лиза была очень испугана и очень утомлена. Едва ли она понимала ясно, что делает. Она захватила списочек лекарств в аптеку и вышла на лестницу.

Лаврентий захлопнул дверь и стал перед Лизой.

На лестнице еще горели лампы с сияющими рефлекторами. Снизу, впрочем, уже слышались шаги дворника, медленно и лениво идущего гасить огонь.

Корвин схватил Лизу за руку и зашептал:

– Говори мне, последний раз, примешь ты меня или нет? Лиза, я для тебя...

Лиза только вырвала руку и повернулась, чтобы идти. Корвин опять не пустил ее и криво улыбнулся.

– Значит, на веки вечные? Прости-прощай?

– Да сказано тебе, убирайся! Вот увидишь, если я дворников не стану просить, чтобы они тебя не пропускали! Никогда ты от меня ничего не дождешься! Я вот замуж скоро выйду, на твои деньги мне ровно наплевать... Ты меня и не

держи...

– А если мне лучше... лучше вот этим самым ножом... – Он порылся за пазухой и опять достал прежний нож. – Сейчас себя зарезать лучше, чем тебя лишиться?

Лиза посмотрела и засмеялась.

– Эх ты, горе-богатырь! – сказала она. – Куда тебе! А впрочем, мне буквально все равно, хоть вешайся, хоть режься.

Она повернулась к нему спиной, чтобы идти.

Корвин опустил руки и молча, без мысли, смотрел, как она удаляется. Но когда она была уже на следующей площадке, он вдруг точно вспомнил, бросился за ней, не замечая, что пальто у него упало с плеч, догнал ее, схватил левой рукой сзади за шею, пригнул ее вперед, и правой, почти без усилия, быстро, так что она не успела отклониться, воткнул нож в спину, ближе к правому боку. Лиза отрывисто вскрикнула, упала на колени, потом на руки, потом ничком. Опять приподнялась было на руки – и снова упала.

Послышались бегущие шаги дворника. Из одной квартиры отворилась дверь. Собирался народ. Раздались крики и взвизгиванья. Кто-то истерически зарыдал. Послали за управляющим и городовыми. Собрались и смотрели, но никто не подходил ближе. Лаврентий не двигался и тупо глядел на спину неподвижной Лизы.

Прошло по крайней мере минут десять, пока Лизу подняли, снесли сначала домой, а так как она не приходила в себя, то наскоро позванный доктор велел немедленно отправить

ее в больницу.

Ефим сидел бледный, с трясущейся губой. Елена Петровна тихо плакала и сморкалась, качая на коленях проснувшегося Витю.

Когда Лазарь увидел маленькую, бледную фигурку Корвина между двумя городскими, покорную и странно-спокойную, он покачал головой и сказал громко и горестно:

– Эх, человек неразумный! Не рассудил подождать! Ведь покорилась бы она ему, непременно бы покорилась! Поверил бабьему слову!

Лиза через два дня умерла, не приходя в себя. Узнав об этом, Петр Петрович, как ни был расстроен, вздохнул свободнее. Слава Богу! Теперь ясно, кому смерть предрекали мыши и тараканы. Лидия Ивановна расчувствовалась и даже поплакала. Затем, ощутив в сердце сострадание и вообще благородный порыв, велела позвать Елену Петровну с Витей (они еще не уехали) и объявила, что она будет платить за Витю три рубля. Она невольно ждала благодарностей и удивления своей доброте, но Елена Петровна отвечала просто:

– Это как вам угодно, сударыня. Будете вы платить – очень вам благодарна, не будете – Витя оттого холодный и голодный не останется. Я его люблю и не оставлю. На его долю у нас хлеба хватит. А угодно вам платить, сударыня, – очень вам благодарна.

И она поклонилась с достоинством. Лидия Ивановна ре-

шила, что деревенскими бабами надо держаться подальше.

Потом Лидия Ивановна отправилась на разбирательство дела Корвина. Защищал его знакомый адвокат, специалист по романическим убийствам. Он говорил и прозой, и стихами, и достиг того, что наказание Корвину смягчили. Лидия Ивановна узнала, что Агаша-толстая отправилась за Лаврентием.

Долго Лидия Ивановна рассказывала обо всем этом своим знакомым. Но мало-помалу все стало забываться. Прошло оживленное волнение Лидии Ивановны. И опять потянулись дни безнадежной, вечной скуки...